

На правах рукописи

УСМАНОВА ДИЛЯРА МИРКАСЫМОВНА

**МУСУЛЬМАНСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1906 – 1917**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Казань - 2004

Работа выполнена на кафедре современной отечественной истории Казанского государственного университета

Официальные оппоненты:

Ананьич Борис Васильевич – доктор исторических наук, академик РАН, Санкт-Петербург

Амирханов Равиль Усманович - доктор исторических наук, Казань

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор, Йошкар-Ола

Ведущая организация:

Институт Востоковедения РАН

Защита состоится “ ” _____ 2004 года в ____ часов на заседании специализированного диссертационного совета Д212.081.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18)

Автореферат разослан “ ” _____ 2004 года

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат исторических наук

Р.Г. Кашафутдинов

I. Общая характеристика работы

Постановка научной проблемы, актуальность проблемы

Политическую жизнь российского общества начала XX века, пожалуй, уже невозможно представить без деятельности Государственной думы и ее фракций, как партийных, так и возникших на иной основе (конфессиональной, национально-территориальной или же сословно-профессиональной). Этническая многообразность и поликонфессиональность российского государства, сложная сословная стратиграфия общества - все это неизбежно должно было и действительно находило отражение в облике Думы, более или менее успешно претендовавшей на роль “народного представительства”. В так называемый “конституционный период” (1905-1916 гг.), в облике многих политических институтов, в том числе и парламента, в значительной мере была отражена “имперская природа” Российского государства. Многие современники в своих заметках или позднейших воспоминаниях неизменно подчеркивали “разноплеменной” состав молодого российского парламента. В частности, в первую и вторую Думы было избрано примерно по 220 нерусских депутатов, умами и душами которых нередко владели не общегосударственные дела, а интересы “местные, областные, национальные”. По избирательному закону 1907 года представительство национальных окраин было резко сокращено до 70-75 депутатов.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии изучение деятельности российской Государственной думы неизменно связывается в первую очередь с деятельностью ее партийных групп - кадетов и прогрессистов, октябристов, правых и националистов, трудовиков и социал-демократов - тогда как непартийные фракции обращали на себя внимание гораздо меньшего числа исследователей. Этот перекокс в исследовательских приоритетах хотя и понятен, поскольку Дума являлась, прежде всего, политическим органом, но не всегда обоснован, ибо оставляет в стороне ряд проблем, порожденных “имперской природой” российского парламента.

Среди непартийных фракций наиболее заметную роль играли польское коло и мусульманская фракция. Мусульманская фракция представляла собой пример объединения на основе конфессиональной принадлежности, польское коло - союз на принципах национальной идентичности, а польско-литовско-белорусская группа возникла на базе национально-территориального единства. Особняком стояла казачья группа, существовавшая во второй и четвертой Думах и объединявшая депутатов на этно-сословной (в официальной трактовке - профессиональной) основе. Во второй и четвертой Думах, соответственно, предпринимались также попытки образовать отдельную литовскую группу, а силами малорусских депутатов - самостоятельную украинскую фракцию (“громаду”). Но в силу ряда причин процесс их конституирования не был завершен, что отражено в официальной думской документации. Образование и деятельность подобных думских групп, их взаимодействие между собой, а также с различными партийными фракциями и, наконец, предпринимаемые ими попытки создать межфракционные союзы - все это наиболее полно характеризует российскую Думу как парламент “государства национальностей”, в котором национальные вопросы и проблемы для значительной части общества играли отнюдь не последнюю роль.

Ограничительные рамки избирательных законов 1905-1907 гг., а также непосредственное участие центральной и региональной администраций в процессе регулирования избирательных кампаний привели к тому, что за весь период существования дореволюционной Думы в российский парламент было избрано 79 депутатов-мусульман - 25 депутатов в Думу 1-го созыва, 37 мусульман во вторую, 10 - в третью и 7 - в четвертую Думы. Поскольку отдельные депутаты избирались дважды и более, то интересы мусульманского населения страны представляли всего 67 персон, объединившихся в самостоятельную мусульманскую фракцию. Архивные материалы и публицистика того времени свидетельствуют, что как сами мусульмане, так и не

мусульмане рассматривали мусульманскую фракцию в качестве “национальной группы”, хотя она и возникла на почве общей религиозной идентичности. Думается, что выражение “национальная группа” с определенной оговоркой можно использовать и в отношении мусульманских думских объединений.

В центре данного исследования находится деятельность 67 мусульманских депутатов, избранных от большинства восточных окраин и регионов страны (Волго-Уральский регион, Туркестан и Степной край, Кавказ и Крым) и представлявших в дореволюционном российском парламенте интересы многомиллионного мусульманского населения империи.

Предмет и объект исследования

Объект исследования – функционирование мусульманского депутатского корпуса как составной части Государственной думы в период конституционных преобразований и становления общероссийской политической культуры в 1906 – 1917 гг.

Предмет исследования – опыт думской, фракционной и внепарламентской (прежде всего, в той ее части, что была связана с выполнением депутатских обязанностей) деятельности депутатов-мусульман и влияние на нее национально-конфессионального движения мусульманских народностей империи.

Цель и задачи исследования

Цель диссертации заключается в том, чтобы на основе комплексного исследования деятельности в дореволюционной Государственной думе мусульманских депутатов вне зависимости от региона избрания, этнической или партийной принадлежности выяснить место, особенности и значимость представителей мусульманского населения в процессе складывания парламентской системы страны.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- проанализировать российское законодательство и правовое положение различных этнических и социальных групп многообразного мусульманского мира России;
- определить основные формы функционирования политических организаций среди мусульманских народов России и их репрезентативность в высшем представительном органе страны;
- показать объективные и субъективные факторы формирования мусульманского депутатского корпуса;
- проанализировать политический облик, сословно-национальный состав и образовательный уровень депутатов-мусульман;
- выявить и рассмотреть основные направления и приоритеты в деятельности мусульманских представителей в Государственной думе;
- рассмотреть формы взаимодействия мусульманских народных избранников с представителями различных партийных и внепартийных парламентских объединений;
- очертить границы взаимоотношений мусульманских парламентариев с различными слоями и группами мусульманского населения страны;
- осветить попытки превращения мусульманской фракции в “общенациональный” политический центр российских мусульман.

Хронологические рамки исследования ограничены 1906 – 1917 годами, т.е. периодом функционирования дореволюционной Государственной думы всех четырех созывов. Однако для более полного восприятия отдельных проблем и выявления их истоков при необходимости делаются достаточно подробные исторические экскурсы в более ранние периоды. Верхней хронологической границей выбраны события

Февральской революции, когда центр политической и общественной жизни окончательно переместился из стен Таврического дворца в иные общественные и политические структуры. В случае с мусульманским населением речь идет о всевозможных общемусульманских и национальных комитетах и бюро, получивших возможность для легальной деятельности. И хотя Государственная дума формально существовала до ее официального упразднения 6 октября 1917 года, с весны она как политический и общественный институт практически перестала играть какую-либо существенную роль в определении судеб мусульманских народностей России, как и страны в целом.

Территориальные рамки исследования ограничены границами Российского государства накануне революции и последовавшего за ней распада империи. Основной фокус в диссертации был обращен на регионы с преобладающим или же более-менее значительным мусульманским населением. Речь идет о таких областях империи, как Волго-Уральский регион, Крым и Кавказ, Туркестан и Степной край, отчасти Западная Сибирь. В то же время, эпицентром всех происходящих событий являлся Санкт-Петербург, где располагались не только законодательные палаты Российского парламента, но были сосредоточены вся высшая бюрократия и политическая элита страны, определявшие, в конечном счете, общий вектор развития империи.

Методологические основы исследования. Исследование базируется на следующих принципах: а) научность – построение заключений строго на основе анализа разнообразного комплекса документов и отражаемых в них событий и явлений; б) беспристрастность – рассмотрение изучаемых участников исторического процесса, их политических действий, уровня социального и культурного развития без этнокультурных и политических пристрастий и предпочтений со стороны исследователя; в) системность – учет одновременного действия в историческом процессе многообразных факторов: объективных и субъективных, внутри- и внешнеполитических, локальных, региональных, глобальных и пр.; г) историзм – исследование исторических явлений в их постоянном развитии и видоизменении. При проведении исследования активно использовались следующие подходы: а) историко-генетический – выявление истоков и определение общего хода развития, выделение наиболее важных периодов и этапов на всем протяжении изучаемого процесса; б) сравнительно-исторический – позволяющий выявить в развитии исследуемого процесса различные периоды времени, определенные характерные черты и особенности, отличающие их друг от друга; в) конкретно-исторический подход – анализ событий и явлений в контексте соответствующей эпохи, оценки их с точки зрения конкретной исторической ситуации.

В качестве одной из важнейших методологических основ изучения мусульманской уммы России в его прошлом и настоящем должна быть принята теория догматико-правового, этнического и регионального равноправия всех форм ислама, отсутствия единой для всех мусульман “идеальной” модели ислама и равноценности всех его региональных форм бытования.

Степень изученности темы. Комплекс используемых в работе источников, а также весь комплекс литературы на различных языках свидетельствуют, что тема изучена относительно слабо и крайне неравномерно. Наряду с исследовательскими проблемами, по которым существует значительная литература, имеются многочисленные лакуны и пробелы. В то же время, специальных монографических исследований, всесторонне и комплексно освещающих деятельность мусульманских депутатов в Думе, нет. Состояние источниковой базы и степень научной разработанности темы подробно проанализированы в отдельной главе.

Научная новизна. Исследование выполнено на основе широкого разнообразного комплекса документов (архивных материалов, документов личного происхождения, материалов публицистики и мемуарной литературы, фотодокументов). Этот разнохарактерный корпус документов сложился в ходе поисковой работы в архивах и древлехранилищах Татарстана, России, Азербайджана, Австрии и Германии. Часть

использованных в работе источников вводится в научный оборот впервые. Научная новизна работы состоит в постановке и рассмотрении следующих исследовательских проблем.

Впервые выявлен круг научной отечественной и зарубежной литературы по изучаемой теме и представлена возможность судить о степени разработанности темы, определены основные дискуссионные вопросы и существующие к ним подходы. В работе впервые в исследованиях подобного рода в качестве самостоятельной группы источников была привлечена коллекция фотографий депутатов-мусульман.

Изучение правового положения российского мусульманства позволило представить специфику российского законодательства в отношении различных этнических и социальных групп населения и показать правовые и политические предпосылки образования в Российском парламенте отдельной мусульманской фракции. Сравнительный анализ социально-политического и сословно-национального облика депутатов-мусульман позволил определить комплекс основных факторов, повлиявших на формирование мусульманского депутатского корпуса, что, в свою очередь, отражает основные тенденции в развитии мусульманского сообщества в рамках российского государства.

В диссертационном исследовании впервые комплексно и всесторонне изучена деятельность мусульманских депутатов без ограничения по национальной или территориальной принадлежности; выявлены и проанализированы основные направления их деятельности, рассмотрены наиболее приоритетные для мусульман проблемы; показана как консолидированная позиция мусульманской группы, так и персональные взгляды отдельных ее членов по отношению к важнейшим вопросам общественно-политической жизни страны. Комплексный анализ деятельности мусульманских представителей в Российском парламенте позволил определить степень эффективности и естественные границы усилий мусульманских депутатов по защите интересов мусульманского населения империи.

Рассмотренные в работе связи и взаимоотношения членов мусульманской фракции с другими парламентскими объединениями (как партийными фракциями и блоками, так и с представителями национальных или региональных групп) позволили выявить причины неудач многих политических начинаний и законодательных инициатив мусульманских представителей. В работе также было показано, что эти неудачи в свою очередь вполне закономерно проистекали из противоречивой природы межэтнических и внутрирегиональных интересов в российском обществе. Последнее обстоятельство учитывалось и активно эксплуатировалось властными структурами с целью преодоления естественных сепаратных настроений и тенденций, имевших место в государстве.

Предметом специального исследования стала проблема репрезентативности мусульманского населения империи в целом, и его думских представителей в частности, в средствах массовой информации. В данном исследовании была осуществлена попытка проведения фронтального анализа материалов ряда столичных русскоязычных и татарских периодических изданий. Исследование этого сюжета позволило не только показать степень знакомства российского общества с «мусульманским вопросом», но и выявить уровень интегрированности мусульман в российскую политическую элиту, определить позиции мусульман в информационном пространстве империи. Исследование истории и судеб осуществленных и нереализованных проектов мусульманских думских изданий позволило выявить естественные границы интеллектуального, организационного и финансово-материального потенциала мусульманского сообщества.

В диссертации были подробно рассмотрены также и взаимоотношения мусульманских депутатов с представляемым им в Думе населением, как отдельными его представителями, так и целыми объединениями и группами. Новизну составляет та часть исследования, в которой рассмотрена история взаимоотношений мусульманских депутатов с некоторыми маргинальными слоями мусульманской уммы Волго-Уральского

региона. Постановка и попытки разрешения данной исследовательской проблемы демонстрируют всю сложность выявления реальных возможностей и ограничений на пути превращения мусульманской фракции в “общенациональный” политический центр российских мусульман.

В заключительной части диссертации приведены основные выводы. Возможно, некоторые из наблюдений диссертанта будут способствовать дальнейшему пересмотру устоявшихся стереотипов, а также иному прочтению политической истории мусульманских народов Российской империи рубежа XIX - XX столетий.

Практическая значимость. Выводы и заключения, сделанные в диссертации, могут быть использованы при преподавании истории в высших и средних учебных заведениях – в лекционных курсах по отечественной истории, а также специальных курсах по истории мусульманских народов тех регионов, которые входили в Российскую империю - Волго-Уральского региона и Сибири, Средней Азии, Кавказа и Крыма. Результаты исследования, отраженные в научной и научно-популярной литературе, а также публицистике, могут послужить средством привлечения внимания к поучительным страницам политического и культурного прошлого народов Российской империи.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре современной отечественной истории исторического факультета Казанского государственного университета. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на международных, всероссийских и региональных научных форумах (Анкара, 2001 г.; Альметьевск, 1999 г.; Баку, 2002 г.; Бишкек, 2000 г.; Геттинген, 2002 г.; Звенигород, 1998 г.; Казань, 1996, 1997, 2000, 2001, 2002, 2003 гг.; Москва, 1998, 2003, 2004 гг.; Санкт-Петербург, 1996 г.; Тампере, 2000 г.); а также в опубликованных научных работах, общим объемом свыше 40 п.л. Список публикаций по теме диссертационного исследования прилагается. Одна монография “Мусульманские представители в Российском парламенте” объемом свыше 30 п.л. находится в печати.

Структурно работа состоит из введения, одиннадцати глав, разбитых на четыре раздела, списка использованных источников и литературы, заключения. В приложении представлены три таблицы. В первой таблице собраны биографические данные всех депутатов-мусульман, сведения об их работе в думских комиссиях и во фракциях. Во второй и третьей таблицах представлены соответственно думские законодательные инициативы и запросы, выдвинутые или поддержанные мусульманскими депутатами.

II. Структура и основное содержание работы

Раздел I. Мусульманское население Российской империи на рубеже XIX-XX вв.: политико-правовой, религиозно-этнический и научный аспекты. Раздел состоит из трех глав. В первой главе диссертации, озаглавленной «*“Мусульманский вопрос” в источниках и литературе*», раскрыта источниковая база исследования и дан историографический обзор.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами источников: *законодательные и нормативные акты; делопроизводственная документация; официальная переписка; партийные материалы и документы; сочинения государственных и политических деятелей; периодическая печать; источники личного происхождения; мемуары и общественно-политические сочинения современников.* Наиболее обширным является комплекс источников, состоящий из опубликованных и неопубликованных источников на русском языке.

Делопроизводственная документация, привлекаемая в данном исследовании, характеризует деятельность таких официальных структур и ведомств, как Совет министров с подразделениями, канцелярии генерал-губернаторов, губернаторов, наместников и пр. Именно эти центральные ведомства и местные учреждения играли ключевую роль в моделировании российской общественной жизни политическими средствами государства; а материалы центральных ведомств позволяют более или менее

полно воспроизвести процесс формирования данного механизма. *Официальная переписка*, в основной своей массе отложившаяся в архивах, способна помочь постигнуть логику рассуждений и поступков административных чинов различного уровня при принятии тех или иных решений, а также проследить весь путь трансформации того или иного проекта. *Источники личного происхождения* (письма и дневники) проливают свет на истинную подоплеку принятия того или иного решения, а также помогают понять отношение к происходящим событиям, не предназначенное для публичного обнародования.

Указанные виды источников в основной своей массе отложились в архивах. Основной массив архивных документов сосредоточен в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург). Архивные материалы фондов Совета министров (Ф. 1276), Министерства народного просвещения (Ф. 733), Департамента духовных дел иностранных исповеданий при МВД (Ф. 821), Главного управления по делам печати (Ф. 776) представляют особую ценность для анализа того, как происходила выработка соответствующих министерских законопроектов в отношении мусульманского населения, насколько существенной была их корректировка под воздействием общественных дебатов, а также после прохождения через думские комиссии и бюрократические структуры.

В фондах 1327 и 1278 РГИА собраны делопроизводственные документы, связанные с выборами в Думу. Рабочий материал отдельных групп и комиссий (прежде всего, журналы заседаний комиссий), запросы и прошения от населения, поступавшие на адрес фракций или отдельных депутатов, также собраны в фонде 1278 (описи 5 и 8). Законотворческая деятельность министерств и депутатов также отражена в архивных материалах (Ф. 1278, описи 2, 4, 5, 7). Для данного диссертационного исследования значительный интерес представляют материалы личных дел мусульманских членов Государственной думы 2-го, 3-го и 4-го созывов (Ф. 1278, описи 1 и 9).

Весьма ценный материал, достойный внимания исследователей по данной проблеме, также аккумулирован в местных и региональных архивах. Прежде всего, это документы, связанные с выборами в Думу в отдельных губерниях. В частности, в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) подобного рода документы отложились в фондах Казанского губернатора (Ф. 1) и Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199), в делах уездных выборных комиссий. В региональных архивах также сохранилось большое число документов полицейского надзора, поскольку по распоряжению МВД депутаты Думы автоматически попадали под надзор полиции и все их действия, вплоть до передвижений во время каникул, были под постоянным контролем властей. Наконец, в ходе обследования ряда фондов НАРТ были выявлены неизвестные ранее биографические сведения членов Государственной думы, служивших по тому или иному ведомству. Личные дела выпускников различных университетов привлекались для уточнения биографических данных депутатов-мусульман. В силу ряда обстоятельств, в данном исследовании использовались архивные документы преимущественно из РГИА (ФФ. 776, 777, 821, 1276, 1278, 1485) и НАРТ (ФФ. 1, 41, 51, 199, 977) и частично ГАРФ (Ф. 102).

Следует сказать, что неопубликованных источников на родных для большинства депутатов-мусульман татарском или иных тюркских языках, сохранилось несравнимо меньше. Это связано с тем, что в архивах собраны, прежде всего, материалы на государственном языке. Личных же архивов большинства мусульманских общественных деятелей, в силу ряда причин, практически не сохранилось. Слабо изученными остаются личные архивы национальных деятелей, эмигрировавших в период гражданской войны, и, возможно, сохранившиеся у потомков.

В качестве источника в работе привлекались законодательные и нормативные акты, изданные до 1905 года, что позволяет очертить правовое пространство империи и определить правовой статус мусульманского населения. Анализ законодательных актов 1906-1916 гг., т.е. аутентичных эпохи парламентаризма, также как и законопроектов, не получивших в силу тех или иных причин, действенность закона, представляет интерес с

точки зрения того, как происходила эволюция правового положения мусульман в эпоху конституционных преобразований начала XX века. Законодательные инициативы и законопроекты, так и оставшиеся лишь проектами, позволяют оценить эффективность законотворческих усилий правительства, законодательных палат и российской общественности, составной частью которой являлись мусульманские депутаты. Из общего массива внесенных на рассмотрение нижней палаты законопроектов были выбраны лишь те, что затрагивали интересы преимущественно мусульманского населения страны.

Значительный блок источников непосредственно связан с публично-законотворческой деятельностью нижней палаты законодательной власти. В эту группу условно включены *стенографические отчеты* общих заседаний Думы, традиционно являющиеся одним из самых востребованных источников при анализе думской деятельности. Они освещают публичную сторону думской деятельности, что хорошо осознавалось самими же депутатами. Поэтому думская трибуна весьма активно использовалась для пропагандистских целей. Используя стенографические отчеты, следует помнить об этой их специфике.

Все перечисленные источники, объединенные в условные группы, имеют одно общее свойство. Они, как правило, содержат определенную, конкретную, вполне объективную информацию о деятельности Думы в целом или отдельных ее субъектов (комиссий и комитетов, фракций или отдельных депутатов). Использование материалов названных источников, наряду со сведениями, почерпнутыми из различных исследований, позволяет реконструировать историю функционирования российского парламента и ее отдельных сегментов - мусульманской фракции в частности.

Весьма важную для понимания проблемы группу опубликованных источников составляет комплекс *партийных и фракционных документов*. Хотя источники подобного рода, исходившие из мусульманского лагеря, крайне немногочисленны, тем не менее, они важны и свидетельствуют об уровне институционализации мусульманского политического движения. В период создания и неудачных попыток легализации мусульманской политической партии “Иттифак аль-муслимин” был опубликован проект устава будущей партии на русском (составлен А. М.-б. Топчибашевым) и татарском (осуществлен М. Бигиевым) языках. Практически одновременно шла работа над текстом программы мусульманской фракции в Думе второго созыва, авторство которой приписывается также А. М.-б. Топчибашеву. Сравнительный анализ различных вариантов текста партийной программы с фракционными документами, а также с неопубликованными вариантами позволяет проследить эволюцию идейных и программных установок мусульманских либералов. Для анализа политических взглядов более умеренного и консервативного лагеря мусульманских общественных деятелей, выступавших политической альтернативой большинства членов мусульманской фракции, были привлечены материалы “партии” “Сыратуль-мустахим”, отложившиеся среди архивных документов. Контакты мусульманских представителей с иными общероссийскими партиями и блоками отражены в опубликованных протоколах съездов и конференций этих политических объединений.

Есть еще несколько групп источников, отличающихся, прежде всего, своей субъективностью, что, впрочем, составляет их особую ценность. Это периодическая печать того времени, общественно-политическая и мемуарная литература. Труды *общественно-политического характера* выходили из-под пера или же депутатов (нередко бывших) Государственной думы, или же царских сановников, сталкивавшихся с ними по долгу службы. Как правило, подобная литература кроме субъективной позиции автора отражает и партийную, фракционную точку зрения на то или иное событие. Их ценность еще и в том, что они написаны почти сразу же вслед за событиями, о которых идет речь, и таким образом отражают настроения и мысли, преобладавшие именно в это время (с учетом естественно цензурных ограничений и объективных умолчаний). В целом, публицисты, принадлежавшие к различным политическим лагерям, отмечали слабую

осведомленность российского общества о процессах, происходивших в мусульманском мире России. Отношение к депутатам-мусульманам, также как и оценки деятельности мусульман, в зависимости от принадлежности к тому или иному крылу политическому лагерю варьировались от нейтрально-благожелательных до крайне отрицательных.

В отдельную группу выделена *мемуарная литература*, которая представляет почти весь спектр общественных настроений, оценок характера и деятельности Думы, воссоздает, пусть и субъективно, картину принятия многих решений, что часто оставалось скрытым от взора широкой общественности. Она была опубликована как накануне и в период революций 1917 г., т.е. в условиях бесцензурной России, так и гораздо позже, уже в эмиграции. Фактически первой работой мемуарного плана стал сборник статей переводимцев, опубликованный в апреле 1916 года к 10-летию юбилею первого российского парламента. Из «мусульманских» мемуаров дореволюционного периода можно также назвать публикацию С.Н. Максуди, который еще в российский период жизни опубликовал свои воспоминания о поездке в составе парламентской делегации в Англию в качестве представителя мусульманской фракции.

Из мемуарной литературы эмигрантского периода, принадлежавших перу депутатов мусульман, в литературе относительно известна лишь статья А.М.-б. Топчибашева об организации и деятельности в первой Думе «Союза автономистов». Садри Максуди, скорее всего, не оставил собственных воспоминаний, посвященных думскому периоду. Хотя можно предположить, что биография, написанная его дочерью, опиралась и на личные воспоминания отца. Из деятелей, находившихся в тесном контакте с мусульманской фракцией, в эмиграции оказались также Ю. Акчура, А.-З. Валиди, Г.-Р. Ибрагимов, А. Цаликов и Ф. Туктаров. Небольшой сюжет о деятельности в качестве члена бюро при мусульманской фракции имеется в воспоминаниях З. Валиди, написанных уже в эмиграции в Турции. В целом, мемуарная литература бывших депутатов-мусульман, в количественном и содержательном отношении уступает воспоминаниям русских депутатов, оказавшихся в эмиграции.

Весьма важную группу источников составляет периодическая печать, выходившая в пределах Российской империи в 1906-1917 годах на русском и тюркских (татарском, крымско-татарском, азербайджанском и казахском) языках. Кроме содержащегося в прессе информационного материала газетные и журнальные публикации помогают воссоздать атмосферу того времени. Пресса представляет собой арену столкновения различных мнений, является важнейшей трибуной для многочисленных, подчас заочных дискуссий и споров. Именно периодическая печать является выразительницей общественного мнения, а потому без нее невозможно изучение многих проблем и явлений общественно-политической жизни того времени.

В данном исследовании были использованы материалы тех общероссийских изданий, которые являются наиболее репрезентативными для ведущих политических течений. Для либерального лагеря таковыми могут считаться кадетские газеты «Речь» и «Право», журналы «Вестник Европы» и «Русская мысль». Позиции умеренно-правых и правых националистов наиболее адекватно и рельефно выражены в газетах «Россия» и «Новое время». Среди провинциальных изданий в Казанской губернии наиболее влиятельными были «Камско-Волжская речь» и «Казанский телеграф», в Бакинской – «Каспий». В контексте обозначенной проблемы, пресса на русском языке представляет ценность, прежде всего, для создания общей картины исторических событий.

Гораздо более богата как в информативном плане, так и особенно в плане отражения господствующих в мусульманском мире России идей и настроений, мусульманская пресса. Периодические издания на татарском языке стали базовыми для освещения деятельности мусульманских депутатов в стенах Российского парламента. Среди татарских изданий самими распространенными и информативными были такие издания, как «Вакт», «Юлдуз», «Казан мухбире», «Баянелхак», «Миллят» и др. Азербайджанская пресса привлекалась в меньшей степени, в основном в изложении кавказских ученых.

Периодические издания на крымско-татарском (за исключением газеты “Терджиман”) и узбекском языкам использовались в данной работе в гораздо меньшей степени вследствие того, что они носят еще более локальный и несколько маргинальный характер, выходили в течение короткого времени и имели ограниченный круг читателей.

Комплекс *неопубликованных и опубликованных источников на тюркских языках* менее значителен в количественном отношении и имеет определенную специфику в содержательном плане. Из немногочисленных дореволюционных публикаций на думскую тематику, вышедших на татарском языке, прежде всего, следует назвать брошюру Ф. Туктарова. Знаменитая книга Ф. Туктарова “Депутаты-мусульмане в первой, второй и третьей Думах и их деятельность” (Казань, 1909 г.) является практически единственной работой с обзором биографических данных и анализом деятельности депутатов-мусульман. Написанная почти столетие назад, она является одной из немногих работ подобного рода, где в центре внимания были бы исключительно депутаты-мусульмане.

Важными документами, отражающими тенденции политической жизни дореволюционной мусульманской элиты, стали работы М. Бигиева, Г.-Р. Ибрагимова, Ю. Акчуры и Дж. Валиди. Практически все эти работы имели характер популярных брошюр на актуальные политические проблемы и позволяют, кроме всего прочего, проследить распространенность основных политических воззрений и национальных идей в мусульманской среде. На татарском и русском языках было опубликовано также несколько брошюр, принадлежавших мусульманским депутатам: брошюра М.-Ш. Тукаева с отчетом о деятельности вероисповедной комиссии Государственной думы и Ш. Сейфетдинова с защитой интересов башкирского населения в аграрном вопросе.

В целом можно смело утверждать, что источники и дореволюционная литература на тюркских языках (в том числе и татарском) не столь обширны и многообразны, количественно и качественно уступают русскоязычным аналогам. Исключение составляет лишь периодика на татарском и азербайджанском языках. В диссертационном исследовании в качестве самостоятельного источника использовалась также *коллекция думских фотографий*, представленная в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб.).

Таким образом, выявленный и собранный в результате поиска в архивах и книгохранилищах России, странах ближнего и дальнего зарубежья корпус источников позволяет проанализировать основу и специфику функционирования мусульманских представителей в стенах Российского парламента. Компаративный анализ различных видов источников дает возможность не только определить их достоверность, но и реконструировать события, слабо отраженные в имеющихся документах.

Историографический обзор в диссертации построен в соответствии с проблемно-хронологическим принципом.

В целом историографию вопроса хронологически можно поделить на три условных периода: дореволюционную (1906 – 1917), советскую (1917 – конец 80-х гг.) и современную (или постсоветскую, с начала 90-х гг. до настоящего времени). Для каждого из названных периодов характерны те или иные преобладающие тенденции. Для первого периода это практически полное отсутствие исследований на фоне большого числа публицистических произведений. Поэтому литература носит переходный характер, а потому была проанализирована в разделе источников. В советский период появляется литература исследовательского и аналитического характера. Правда, господство одной идеологии, примат классового подхода и узкие идейные рамки, в которых находились исследователи думской монархии, оказывали сдерживающее и деформирующее влияние на круг изучаемых проблем и характер выводов, тогда как ограниченность источниковой базы неизбежно искажала общую картину. На последнем этапе, на базе существенно расширившегося корпуса источников осуществляется интенсивная исследовательская работа над новыми аспектами и проблемами истории дореволюционного российского парламента. Российское историческое сообщество последних полутора-двух десятилетий

отличает большая открытость достижениям и новациям зарубежной историографии, а также подверженность общей тенденции синтеза методов исследования, заимствованных в различных дисциплинах (истории, этнологии, исламоведения, социологии и социальной антропологии и пр.), и обращение к темам, ранее занимавшим маргинальное положение в исторической науке. В частности, обращение к деятельности в российском парламенте мусульманских представителей стало объектом научных изысканий лишь в 90-е годы XX столетия.

Для осмысления общего направления советской историографии 20-30-х гг. в плане изучения истории мусульманских народов России следует обратиться к наследию А. Аршаруни и Х. Габидуллина, Л.И. Климовича, Н.А. Смирнова. Несмотря на идеологическую заданность и тенденциозность этих работ, как в концептуальном плане, так и в части основных выводов эти работы по-прежнему сохраняют определенное научное значение. В татарской историографии значительный этап связан с трудами Г. Ибрагимова, работа которого п.н. “Татары в революции 1905 года” (Казань, 1926) стала эталонной и оказала определяющее влияние на становление татаро-язычной советской историографии истории татарского национального движения. Некоторым антиподом работе Г. Ибрагимова выступают труды другого крупного татарского ученого и мыслителя с дореволюционным научным прошлым – Дж. Валиди. Среди работ последнего особое место занимают знаменитые “Очерки истории образованности и литературы татар до революции 1917 года” (М.-Л.-д, 1923), основу которых составили очерки и наброски, написанные публицистом еще до революции и первоначально опубликованные в татарских периодических изданиях. Работа Дж. Валидова заложила основы татарской историографии культурной и общественной истории мусульманских народов Волго-Уральского региона.

Первые серьезные исследования собственно по истории Государственной думы связаны с работами Е.Д. Черменского (1939) и С.М. Сидельникова (1962). Естественно, в силу ряда обстоятельств, мусульманская фракция практически никак не отражена в указанных работах. В целом, до начала 60-х годов думская проблематика не была центральной в исследованиях советских историков. В 1960-80-х годах наиболее крупными исследователями истории Государственной думы являлись А.Я. Аврех, В.С. Дякин, В.В. Шелохаев и др. Одновременно происходит складывание двух основных школ – московских и ленинградских историков, расходившихся в оценке Государственной думы. В зарубежной историографии этого периода различные аспекты истории российского парламентаризма наиболее всесторонне анализировалась в работах А. Левина, К. Смита и Дж. Хоскина.

Анализируя всю историографию истории Государственной думы советского периода в целом, следует признать, что большую ее часть составляют работы, изучавшие парламент в качестве политического и отчасти законодательного органа. Именно этим продиктовано повышенное внимание исследователей к фракционным взаимоотношениям. Также вполне закономерно, что именно партийные фракции и деятельность партийных лидеров традиционно были в центре внимания как советско-российских, так и зарубежных исследователей. Деятельность непартийных фракций Государственной думы, к которым принадлежит и мусульманская, чрезвычайно редко становилась предметом отдельных серьезных исследований.

В российской историографии последнего десятилетия XX в. история российского парламентаризма стала одной из центральных исследовательских проблем, а ведущие позиции продолжали занимать такие исследователи, как В.С. Дякин, В.В. Шелохаев. Если В.С. Дякин свое внимание сосредоточил на выявление и анализе общих тенденций национальной политики самодержавной России в пореформенную эпоху, то центральными сюжетами в работах В.В. Шелохаева стала деятельность в Государственной думе различных партий и политических блоков. Большой труд по истории становления российского парламента был проделан А.Ф. Смирновым. Весьма

важной работой является коллективная монография под названием “Власть и реформы. От самодержавной к советской России” (СПб., 1997), представляющее собой исследование “о природе власти в России, ее эволюции на протяжении более чем пяти столетий, ее реформаторских возможностях”. Принципиально новой для советско-российской историографии стала не только сама постановка проблемы - реформы или революция, возможность подобной альтернативы состоявшемуся историческому развитию страны - но и обращение к не реализованным по той или иной причине замыслам, среди которых оказалось большинство либеральных проектов начала XX века. Ряд новейших исследований по думской монархии, в плане изучения истории становления российского парламентаризма, анализа его структуры и деятельности по отдельным вопросам, функционирования в системе власти и взаимоотношений с общественностью были защищены в качестве докторских или кандидатских исследований. Речь идет о докторских диссертациях О.Г. Малышевой, О.Ю. Рыбки, А.Л. Ямаевой и пр., а также кандидатских исследованиях И.Н. Вельможко, Е. Воробьевой, С.А. Голубева, В.Ю. Зорина, О.А. Исхаковой, В.А. Патентова, А.А. Подсумковой, О.М. Фоминой и др. В то же время, с точки зрения охвата проблемы “мусульманского присутствия” в Думе в российской историографии за последнее десятилетие XX века ситуация принципиально не изменилась. В этом плане показательны те же новейшие исследования В.А. Козбаненко В.А. Демина, И.К. Кирьянова, А.Ф. Смирнова, О.Ю. Рыбки и др., в работах которых депутаты-мусульмане упоминаются лишь изредка и весьма бегло.

В 90-е годы, в связи с необходимостью выработки национальной политики в Российской Федерации, интерес к национальному вопросу в имперском парламенте вновь привлек пристальное внимание исследователей, о чем свидетельствует появление большого количества кандидатских диссертаций и монографий (работы И.Н. Вельможко, В.Ю. Зорина, Д.А. Аманжоловой и др.). Появились работы, исследовавшие вероисповедный вопрос в Думе, а также политику властей в отношении отдельных конфессиональных групп, в том числе и мусульман (А.А. Дорская, Ю.С. Белов, Д.М. Усманова). Ряд новейших исследований, как монографий, так и диссертационных работ, нацелены на изучение роли ислама в общественно-политической жизни России в XIX - начале XX вв. (Р.Г. Ланда, А.Б. Юнусова, А.И. Ногманов и др.)

Хотя мусульманская фракция в целом долгое время находилась в “забвении”, в последнее десятилетие она также стала предметом пристального внимания исследователей. Более того, в последнее время наблюдается всплеск интереса историков и политологов разного уровня (как региональных, так и столичных) к этой проблеме, которая даже превратилась одну “модных” исследовательских проблем. Но историография о депутатах мусульманах в целом, по-прежнему, лапидарна. Прежде всего, практически отсутствуют исследования, охватывающие деятельность всех депутатов-мусульман и мусульманской фракции в целом.

В отечественной историографии поздней и постсоветской эпохи первые исследования по истории образования и деятельности мусульманских думских объединений датируются началом 90-х годов XX столетия. Первой значительной работой стала монография бакинской исследовательницы Д. Сеид-Заде “Азербайджанские депутаты в Государственной Думе” (Баку, 1991). Несмотря на то, что в работе чувствуется сильное влияние прежних советских идеологических штампов и клише, некоторые перекосы в используемой источниковой базе, данное исследование стало своего рода предтечей последующего историографического “бума”. Примечательно, что исследовательский интерес к депутатам мусульманам возник одновременно, независимо друг от друга, в разных регионах бывшего Советского союза. Более того, основные историографические тенденции отражают специфику политического развития постсоветского пространства, а также несут на себе некоторую негативную печать нынешней дезинтеграции (в плане знакомства с трудами своих коллег из других регионов и полноты историографических обзоров).

Ученые Волго-Уральского региона стали серьезно заниматься историей мусульманской фракции в начале 90-х годов прошлого столетия. Первые работы в виде статей и тезисов конференций принадлежат М.К. Мухарямову, А.Ю. Хабутдинову, Р.А. Циунчуку и др. Из числа современных российских исследователей, которые наиболее последовательно и плодотворно занимаются историей мусульманского представительства в парламенте, следует назвать С.М. Исхакова, Р.А. Циунчука и Л.А. Ямаеву. Большинство обстоятельных исследований проблемы принадлежат перу этих исследователей. Причем, каждый из названных ученых сосредоточил свое внимание на определенном аспекте проблемы.

Внимание московского историка С.М. Исхакова сосредоточено преимущественно на истории становления мусульманского политического движения, преломлению либеральных и либерально-консервативных идей в политической мысли и культуре мусульманских народов России. В статье об “Иттифак аль-муслимин” большое внимание было уделено парламентской стороне деятельности мусульманского союза. Достаточно подробно историк проанализировал различные варианты и редакции программы мусульманской фракции, показав, как происходила работа над программой думской фракции в период функционирования Дум 1-го и 2-го созывов. Проблеме формирования и эволюции мусульманского либерализма, а также деятельности мусульманских либералов в стенах российского парламента посвящено новейшее исследование Л.А. Ямаевой. Уфимская исследовательница также выпустила первый сборник документов, дополненный биографиями шестидесяти четырех мусульманских депутатов. Правда, среди переизданных документов преобладают выступления мусульман, взятые из уже опубликованных думских стенографических отчетов. Казанский исследователь Р.А. Циунчук в ряде статей рассматривает думскую деятельность депутатов-мусульман в контексте взаимоотношений мусульманских депутатов с иными национальными и партийными фракциями Государственной думы, а также в плане анализа взаимоотношений имперского центра и национальных окраин, возможностей репрезентации национальных интересов в имперском парламенте. Несмотря на различную проблематику и исследовательские сюжеты, работы всех трех названных историков объединяет также в целом общая источниковая база, ограниченная преимущественно русскоязычными источниками. Источники на каком-либо из тюркских языков даются ими в переводе и изложении жандармских чиновников и сотрудников цензурных комитетов.

Тенденцией последнего десятилетия стало появление большого количества работ, посвященных отдельным историческим личностям из числа тех мусульман, что сыграли значительную роль в Думе и общественной жизни мусульманского мира в целом. Нередко подобные работы носят скорее популярный, нежели научный характер, что отчасти снижает их научную ценность. Эти работы роднит то, что проблемы, интересовавшие мусульманскую общественность в целом, освещены через призму взглядов и деятельности отдельных депутатов. Наиболее плодотворным автором многочисленных работ подобного плана является Б.Ф. Султанбеков. Ряд депутатов и общественных деятелей, игравших весомую роль в политической жизни мусульман в стенах российского парламента, оказались центральными объектами изучения в ряде диссертационных исследований – М. Шахтахинский, С.Н. Максуди, Х. Атласи, Г.-Р. Ибрагимов и др.

Подводя итог проведенному историографическому исследованию, можно отметить следующее. Оставшаяся долгие десятилетия “terra incognita”, деятельность мусульманских представителей в Государственной думе практически еще не выступала как самостоятельный и центральный объект всестороннего исследования. В трудах большинства авторов, так или иначе затрагивавших эту проблематику, за редким исключением, мусульманские депутаты представлялись как маловажный элемент основной темы – истории политической борьбы и взаимоотношений партийных фракций, становления либерального движения, реформирования политической системы страны в думский период. Появившиеся за последнее десятилетие исследования, фокусирувавшие

свое внимание на деятельности мусульманских депутатов, также не имеет целостного характера, так как ограничиваются или же региональным или партийным аспектом. Данное диссертационное исследование является попыткой на примере изучения деятельности всех мусульманских депутатов, вне зависимости от региона избрания и национальной принадлежности, осветить место представителей многомиллионного мусульманского населения в рамках складывающейся парламентарной системы Российской империи.

Вторая глава раздела посвящена такой проблеме, как *«Административно-правовое поле функционирования мусульманской уммы в условиях Российской империи на рубеже XIX - XX вв.»*. В данной главе дана общая характеристика мусульманскому населению Российской империи в статистическом отношении, с точки зрения особенностей хозяйственно-экономической и культурно-бытовой жизнедеятельности различных мусульманских народностей национальных окраин страны.

На рубеже XIX-XX столетий в состав Российской империи входили обширные территории с мусульманскими подданными: Волго-Уральский регион (с татарами и башкирами), Средняя Азия и Казахстан (населенные казахами, узбеками, туркменскими и таджикскими племенами), Крым и Кавказ (крымские татары, многочисленные горские народы Северного Кавказа и азербайджанцы). Согласно всероссийской переписи 1897 года, в Российской империи проживало 13,9 миллионов мусульман (не считая жителей Бухары и Хивы), что составляла 11,06 % об общей численности подданных империи. Из них 3,5 миллиона проживало в Европейской части России, около 7 миллионов в Средней Азии, 3,2 миллиона на Кавказе и 122 тысячи в Сибири. В процентном соотношении к общему населению регионов в Европейской части России мусульманское население составляло 3,8 %, в Средней Азии 90,29 %, на Кавказе 34,54 % и в Сибири 2,2 %.

В диссертационном исследовании была дана общая характеристика хозяйственно-экономического и культурно-бытового облика мусульманских народностей Российской империи с упором на те моменты, которые выступали в качестве объединяющего начала, или же, наоборот, играли свою негативную роль в процессе становления единой российской “мусульманской нации”. В конечном счете, это необходимо для осознания того, насколько реальны и обоснованы были подобные притязания мусульманских деятелей, неоднократно проявлявшиеся и в работе мусульманской фракции. На основе проанализированного материала можно сделать вывод о том, что образование единой “мусульманской нации”, от имени которой выступали мусульманские депутаты в российском парламенте, имело двойственные перспективы. Несмотря на широко распространенное у мусульманских деятелей представлений о возможности реализации подобного “проекта”, в реальности лишь религиозная, культурно-правовая и отчасти языковая близость являлись факторами, выполнявшими “позитивную” объединяющую роль. В качестве дезинтегрирующего противовеса выступали такие объективные факторы, как обширность территории, различия в социально-экономической и культурно-бытовой сферах. Кроме них имелись противовесы, носившие субъективный характер - сознательная политика государства, различные интересы этнических и региональных элит. Все это обуславливало двойственную и противоречивую природу такого процесса, как формирование единой “мусульманской нации”, представителями и выразителями интересов которой выступали мусульманские депутаты российского парламента.

Система управления различными регионами, сложившаяся к началу XX столетия, наглядно отражала хронологическую неравномерность вхождения отдельных регионов в состав единого государства, а потому и различные условия, сопровождавшие этот процесс. В ходе правового и административного обустройства присоединенных окраин государственная власть должна была считаться со многими факторами и местными особенностями с целью менее болезненного и максимально быстрого адаптирования “очередных подданных к новым условиям жизни в пределах империи”. И чем позднее было осуществлено присоединение, тем в меньшей степени местное инородческое

население было адаптировано к общероссийским условиям. Поэтому, если Волго-Уральский регион на рубеже XIX-XX веков в плане существовавшей управленческой модели практически не отличался от центральных районов страны, то на южных окраинах специфика проявлялась как в более широком привлечении инородческой окраинной элиты к административному управлению, так и в факте учета местных традиций и норм обычного права при разработке законодательных актов в отношении населения вновь присоединенных регионов (Кавказ, Туркестан, районы Семиречья и пр.).

Приступая к административным преобразованиям на национальных окраинах, правительство вполне обоснованно увязывало эту проблему с общим ходом государственных преобразований в империи. А потому, решение вопроса об управлении этой национальной окраины империи находилось в тесной связи и зависимости от законотворческих усилий правительства и законодательных палат, от их способности найти взаимоприемлемый консенсус в ряде принципиальных вопросов (о местном самоуправлении, о принципах решения крестьянского вопроса, о местном суде). Занимаясь проблемой оптимизации управления своих колоний, важнейшей из которых являлся Туркестан, представители высшей бюрократии действовали в рамках норм бюрократического управления, выработанных в предыдущие годы. Российская общественность, не говоря уже о мусульманской, практически не привлекалась к обсуждению этой проблемы, которая рассматривалась как исключительная прерогатива высшей администрации. А потому, вопрос о реформе управления Туркестанским краем не выносился на обсуждение и утверждение Государственной думы, а оставался прерогативой вневедомственных совещаний и всеподданнейших докладов.

В данной главе было также рассмотрено правовое положение российских мусульман, проанализировано соотношение общеимперского и мусульманского права в государственной доктрине на рубеже XIX-XX вв. Подводя итог анализу правового положения мусульманского населения в Российской империи в начале XX столетия, можно констатировать ряд определяющих тенденций. Правовой статус мусульманского населения определялся рядом законодательных актов, чрезвычайная запутанность и внутренняя противоречивость которых требовала неотложного рассмотрения и пересмотра. Требовалось привести их в соответствие с происшедшими накануне созыва российского парламента переменами в конституционном строе страны. Правовое положение отдельных народов империи, исповедовавших ислам, также отличалось значительным разнообразием, обусловленным как особенностями вхождения их в состав государства, так и конкретными политическими задачами российской власти на той или иной национальной окраине, что позволяет говорить о реальном “правовом плюрализме” в Российской империи. В целом же российское право, базировавшееся на вероисповедных различиях и содержащее большой комплекс ограничений, основанных на вероисповедном и национальном принципе, способствовало объединению мусульман в некую общность со сходными, а порой и едиными политическими, экономическими и культурными потребностями и устремлениями. Все это создавало почву для образования в стенах Российского парламента фракции, призванной отражать и защищать интересы мусульманского населения страны.

К началу XX века в России в целом сложилась общегосударственная система управления духовными делами мусульман. Причем, национальная основа вероисповедной политики российского государства, ранжированность конфессий не только были зафиксированы в законодательстве, но и нашли отражение в структуре основных государственных учреждений, занимавшихся вопросами управления духовных дел мусульман. С 1832 года и до Февральской революции 1917 года все духовно-религиозные дела российских мусульман находились в ведении магометанского отдела Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ). Департамент находился в составе министерства внутренних дел (МВД) и являлся высшей инстанцией в системе духовного управления неправославного населения империи. Сфера его компетенции определялась

уставом ДДДИИ. В целом, мусульманский отдел являлся одним из самых малочисленных из соответствующих подразделений департамента. Именно в ведении ДДДИИ МВД находились духовные управления мусульман.

На большей части Российской империи мусульманские духовные лица и население в целом находились в подчинении мусульманских духовных управлений (Оренбургского, Таврического и двух Закавказских). Территория, на которую распространялась компетенция Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), была ограничена европейской частью России и Сибирью. В мусульманских регионах, присоединенных к империи после создания ОМДС (1788-1789 гг.), вводились собственные духовные управления (Таврическое в 1831 г., два Закавказских в 1872 г.). В ряде регионов духовная жизнь мусульманского населения не была регламентирована вовсе (Туркестан по положению 1867 и 1886 гг., Северный Кавказ) или была подчинена прямому гражданскому управлению (Кубанская и Терская области, Ставропольская губерния, Степной край по положению 1868 и 1891 гг.). В 1868 году из ведения ОМДС было изъято казахское население империи, ранее ему подчинявшееся. Пытаясь ослабить влияние ОМДС и «мусульманский фанатизм», распространяемый среди казахского населения татарами, с 80-х гг. XIX столетия МВД неоднократно запрещал ему вмешиваться в духовные дела мусульман Степного края, в том числе и проживавших в регионе татар.

Власти неоднократно заявляли о назревшей необходимости пересмотра всего законодательства о мусульманах (том XI Свода законов), составленного по большей части в начале XIX столетия, а также реформирования религиозных учреждений. Планы кардинального или частичного преобразования системы духовного управления мусульманами разрабатывались в правительственных кругах с середины XIX столетия.

С началом работы новых законодательных институтов вопросы реформирования органов духовного управления, как и другие проблемы правового характера, по логике вещей должны были перейти в сферу компетенции Государственной думы и Госсовета. Однако преимущественное право законодательной инициативы все же оставалось в руках правительства. Поэтому оперативность в подготовке соответствующих законопроектов, а также их последующая проходимость через необходимые процедуры зависели от воли и усердия бюрократического аппарата в большей степени, нежели от иных факторов. Тем не менее, новые законодательные институты Российской империи, созданные в эпоху конституционных преобразований начала века, должны были стать залогом необратимости осуществляемых преобразований.

Третья глава раздела называется *«Становление тюрко-татарского политического движения (начало XX столетия)»*. В ней рассматривается образование первых мусульманских политических организаций и контакты мусульман с общероссийскими политическими партиями в преддумский период.

Политическое движение нерусских народов России на рубеже XIX-XX веков находилось под влиянием общероссийских политических партий и движений. Однако участие татар, даже шире мусульман, в деятельности общероссийских партий было явлением малораспространенным и ограничивалось узким кругом лиц. Кавказ, Поволжье и отчасти Крым стали теми регионами, мусульманское население которых раньше всего стало вовлекаться в политическую деятельность.

В целом, оживление общественно-политической жизни мусульманского населения, придание ей структуры и форм, характерных для политических обществ, произошло в годы первой российской революции 1905-1907 гг. Именно тогда среди мусульман появились первые политические группы с более-менее ярко выраженной партийной ориентацией. Однако их деятельность была непродолжительной, а влияние на татарскую общественность оставалось ограниченным. Более значительным было влияние социалистических идей на мусульманское население Кавказа. Среди крымских татар социалистические идеи, хотя и получили меньшее распространение, увлекли также

преимущественно молодежь. Крымско-татарская молодежь стала знакомиться с социалистическими идеями и разделявшими эти идеи партиями с 1903 года, но особенно активно в период первой русской революции. Подобно поволжским мусульманам, и среди крымских татар “пионерами” в этом деле стали студенты столичных университетов. Чуть позднее, вероятно под влиянием событий в Турции, более радикальное крыло политического движения крымско-татарской молодежи, сформировавшееся в годы первой русской революции, стало именоваться “младотатарами” (одним из лидеров которых стал будущий втородумец Р.Медиев).

Возможно, именно две татарские политические группы (“тангисты” и “уралчылар”), а также три-четыре азербайджанские политические организации и являлись практически единственными национальными “пропартиями”, рожденными сугубо в среде мусульманских народностей Российской империи. Практически все они принадлежали к партиям социалистической ориентации, имели достаточно аморфную и слабо разработанную программу, ограниченный круг приверженцев, а деятельность их была кратковременна и малопродуктивна. Неблагоприятные условия существования в России политических партий, а также специфические особенности национальных политических организаций – все это накладывало своеобразный отпечаток на состав и характер деятельности названных мусульманских “партий”.

Либеральное течение в национальном движении было представлено группой лиц, симпатизировавших идеям партии конституционных демократов (кадетов). И в данном случае распространение либеральных идей первоначально происходило на уровне межличностных контактов и личных связей, а также вследствие контактов мусульман с представителями российского общества в высших учебных заведениях или же общеимперских общественных институтах. Такой общественной и политической “школой” для мусульманских либералов стали органы местного самоуправления, особенно земские учреждения, городские думы и управы. Не менее значимым для распространения либеральных идей было наличие креативных личностей, способных не только усваивать, но и генерировать различные идеи, создавать вокруг себя общественно и политически активное пространство (одним из подобных деятелей был, безусловно, Габдрашид Ибрагимов). Характерным примером персонифицированности распространения либеральных идей в мусульманской среде может служить партийная деятельность Юсуфа Акчурина. На втором съезде партии народной свободы (январь 1906 года) Ю. Акчура был даже избран в Центральный комитет партии “Народной свободы” (кадетов), что свидетельствовало о попытках кооптации представителей мусульманской политической элиты с кадетами. Но подобное взаимодействие было больше на уровне отдельных личных контактов.

В становлении мусульманского политического движения ключевую роль сыграли всероссийские мусульманские съезды (1905-1906). Они стали весьма заметным явлением в политической жизни мусульманских народов России. Сам факт их проведения стал возможен только в условиях либерализации внутривнутриполитического курса в Российской империи. Легальный сбор представителей мусульманского населения со всей Российской империи был немыслим и невозможен до обнародования Октябрьского манифеста 1905 года. Первые два из четырех дореволюционных мусульманских съездов состоялись до начала работы российского парламента (август 1905 и январь 1906 гг.) и прошли в полуполюгальных условиях.

Главным из решений I-го Всероссийского мусульманского съезда стало создание общественно-политического мусульманского союза «Иттифак аль-муслимин» («Всероссийский союз мусульман России» или «Мусульманский союз»). Кроме того, участники съезда потребовали уравнивания мусульман с русскими в политических, религиозных и имущественных правах. Одним из важнейших решений II-го всероссийского мусульманского съезда стало принятие устава партии “Иттифак аль-муслимин”. Кроме того, участники совещаний приняли решения в период предвыборной

кампании действовать солидарно с кадетами, а также добиваться мусульманского представительства в Думе, пропорционального численности мусульманского населения в империи. Последующие мусульманские съезды проходили в новых политических реалиях, связанных с началом работы первого российского парламента.

В отличие от предыдущих двух съездов, III-й съезд состоялся на вполне легальной основе в августе 1906 года. Повестка съезда включала четыре наиболее важных для мусульман вопроса: о борьбе с миссионерской пропагандой, о реорганизации мусульманского духовенства, о вакуфах и, наконец, о реформе системы начального образования. За работой съезда следили 16 корреспондентов русских и татарских газет. О повышенном внимании мусульманской общественности к работе съезда свидетельствует и тот факт, что он открылся при 800 делегатах, а завершил свою работу при 1200 участниках, представлявших все мусульманские регионы страны. Наиболее важные решения третьего мусульманского съезда касались таких вопросов, как реформа системы мусульманского образования и установление общественного контроля над ней, реорганизация духовного управления и введение выборного начала, преобразование “Мусульманского союза” в политическую партию. Именно на третьем съезде была принята программа, избран ЦК партии “Иттифак аль-муслимин” из 15 человек. Дальнейшая проработка ряда вопросов (в частности, о вакуфах) была передана центральному комитету вновь образованной партии. Делегаты съезда высказались также за скорейший созыв Государственной думы и против рассмотрения правительственными учреждениями мусульманского вопроса до начала работы российского парламента.

В последующем, политическая деятельность мусульман была практически полностью сосредоточена вокруг думской мусульманской фракции, члены которой единственные могли легально заниматься политической работой. Этому способствовала и то, что все попытки легализовать “Мусульманский союз” оказались безуспешны.

Раздел II. Мусульманские представители в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия. Раздел состоит из двух глав. Четвертая глава диссертации озаглавлена *«Этапы объединения депутатов-мусульман и общая характеристика мусульманской фракции в Государственной думе: состав, численность и лидеры»*.

Первые избирательные кампании в Российский парламент регламентировались избирательным законом 11 декабря 1905 года и проходили в обстановке повышенного общественного возбуждения. Несмотря на то, что выборы в Думу первого и второго созывов осуществлялись по не вполне демократичному избирательному закону, имели место отдельные случаи фальсификации, в целом местная администрация стремилась соблюдать “букву закона” и внешние приличия. Она не допускала открытого насилия над избирателями и избирательной кампанией, которые будут столь очевидны в 1907 и 1912 годах. Сказывалось и отсутствие опыта в проведении подобных мероприятий.

Мусульманское население большинства регионов страны продемонстрировало большую активность, что отмечалось многими наблюдателями. На предвыборную тактику мусульман определяющее влияние оказали решения мусульманских съездов о проведении мусульманами активной избирательной кампании и о кооптации с партией конституционных демократов. Именно благодаря подобным предвыборным блокам, в Казанской, Уфимской и Оренбургской губерниях депутатами были выбраны представители оппозиционных партий.

В ряде национальных окраин (Кавказ и Закавказье, Туркестан и Степной край) выборы думских делегатов проходили со значительным временным запозданием и на основании “особых правил”. На Кавказе (в первую очередь Закавказье) предвыборная ситуация осложнялась также армяно-азербайджанскими национальными распрями, дошедшими до кровавых столкновений и погромов. Поэтому выборы в Эриванской и Елисаветопольской губерниях проходили по отдельным армянским и мусульманским

куриям. Третьей особенностью предвыборной кампании на Кавказе стало то, что подеklarированный блок между мусульманами и кадетами реально так и не был создан. Таким образом, к моменту торжественного открытия первого российского парламента в столице находились лишь десять делегатов, избранных населением Волго-Уральского региона. Представители мусульман Северного Кавказа и Закавказья, а также части Степных районов прибыли в Таврический дворец с большим опозданием.

Работа Государственной думы 1-го созыва (27 апреля - 8 июля 1906 г.) началась с торжественного приема делегатов в резиденции императора – Зимнем дворце. За недолгие семьдесят два дня первый российский парламент успел провести всего 39 заседаний. Безусловно, центральным вопросом первого российского парламента был аграрный, что оказало влияние на работу всех думских фракций, в том числе, мусульманской группы.

Всего в первую Государственную думу было избрано 25 депутатов-мусульман, представлявших основные “мусульманские” регионы страны: Поволжье и Приуралье, Кавказ, Семиречье и Туркестан. Идея создания собственной мусульманской фракции возникла сразу, но для ее реализации понадобилось некоторое время. Лишь 21 июня состоялось первое общее заседание мусульманской группы, на котором было заявлено о создании фракции. Перед создаваемой фракцией ставилась цель предварительно обсуждать вопросы, стоявшие на повестке и готовить ораторов, согласовывать позиции всех депутатов-мусульман, помогать в составлении запросов. Кроме того, намечался широкий план агитационно-разъяснительной деятельности: встречи и собеседования с мусульманами Петербурга, объезды мусульманских местностей депутатами с целью ознакомления населения с работой Думы, издание на татарском языке отчетов о думской деятельности и выпуск мусульманской газеты в Петербурге. Организационный процесс не был завершен, а запланированное на 14 июля выступление с информацией о целях и составе создаваемой фракции не состоялось из-за преждевременного разгона Думы. Из находившихся в столице в момент роспуска Думы девятнадцати депутатов-мусульман к “Выборгскому воззванию” присоединилось шестеро: А.Ахтямов, С.-Г. Алкин, А. Зиатханов, С.-Г. Джантюрин, А.М.-б. Топчибашев и А. Букейханов. Все они, после отбытия трехмесячного тюремного заключения (кроме А. Ахтямова) в дальнейшем были лишены политических прав.

Предвыборная кампания во вторую Думу прошла в конце 1906 – начале 1907 года. Учитывая негативный опыт предыдущей избирательной кампании, выборы в Думу 2-го созыва состоялись практически одновременно во всех регионах страны. Исключением стали области, населенные кочевыми инородцами (Степной край, Астраханская область). На результаты выборной кампании повлияло и то, что левые партии отказались от тактики бойкота и приняли в выборах самое активное участие. Организация же левого блока в ряде губерний расколола голоса оппозиции и порой способствовала победе правых элементов. В некоторых регионах мусульманские депутаты вновь создали блок с кадетами (Казань и др.). В то же время, в Закавказье намечаемый блок кадетов с представителями азербайджанских либералов вновь не состоялся. На этот раз причиной стало то, что в него кроме мусульманских выборщиков были включены также представители армянской партии “дашнакцутюн”. Мусульмане организовали собственный “мусульманский беспартийный блок”, который одержал убедительную победу в Бакинской и Елисаветопольской губерниях, а также в г. Баку. В Туркестане выборы шести “инородцев” из общего числа тринадцати депутатов проходили не только в отдельных куриях. Избрание народных представителей из числа “туземцев” осуществлялось в ходе четырехступенчатых выборов, то есть на две стадии больше, нежели выборы русских депутатов.

Государственная дума 2-го созыва (20 февраля - 2 июня 1907 г.) оказалась недолговечной и, просуществовав всего лишь сто три дня, также была разогнана до окончания срока полномочия. Правда, на этот раз это произошло одновременно с изменением избирательного закона. В работе Думы второго созыва приняло участие 518

депутатов, которые в течение одной единственной сессии успели провести 53 заседания. Весь президиум состоял из представителей оппозиционных фракций – кадетов и трудовиков. Среди них оказался и представитель мусульманского депутатского корпуса – Садри Максуди, избранный одним из пяти заместителей секретаря Государственной думы.

Чем же была вторая Дума для мусульман? В количественном отношении она оказалась самой благоприятной: благодаря тому, что выборы на окраинах прошли вовремя, все мусульманские регионы были представлены в Думе своими народными избранниками. Всего было избрано 37 депутатов-мусульман, которые организовали две фракции и послали одного своего представителя в руководящие органы. Бурные политические события в стране, поляризация российского общества привели к тому, что неустойчивое единство депутатов-мусульман было нарушено: уже к концу февраля во фракции наметился раскол, и она поделилась на две группы. Большинство мусульманских делегатов (к концу работы Думы их число превысило 30) организовалось в мусульманскую фракцию. Меньшинство в количестве шесть человек составили отдельный блок под названием “мусульманская трудовая группа” и официально присоединились к фракции трудовиков. Обе фракции провели несколько совместных заседаний и по большинству сугубо национальных проблем действовали солидарно. Официальным председателем мусульманской фракции стал уфимский депутат М.-А. Биглов, а членами бюро Р. Медиев, Х. Усманов, М.-С. Хасанов и Ф. Ханхойский. При фракции было образовано несколько комиссий: для рассмотрения законопроектов, касающихся положения мусульманского населения империи, юридическая и экономическая. Уже на первых фракционных заседаниях была признана недостаточность программы мусульманской группы Думы 1-го созыва. Поэтому было решено дополнить ее и существенно расширить, особенно в сфере национальных и религиозных вопросов. К концу марта программа была в целом готова. По общеполитическим вопросам мусульманская программа во многом была близка к кадетским положениям: однопалатная парламентская система; думское министерство; всеобщее, прямое, равное и тайное голосование; равноправие всех граждан без различия национальности и вероисповедания; всеобщее бесплатное и обязательное начальное образование, выборный низший суд и пр. Национальный фактор проявлялся в том, что мусульманские депутаты настаивали на широком использовании в органах местного самоуправления, низшем суде, а также в начальной школе родного для большинства населения национальных окраин языка. Позиция мусульман расходилась также и в вопросе о сохранении народных судов – учитывая их корни, а также популярность среди местного населения вопрос решался положительно. Также несколько иначе трактовался аграрный вопрос. В целом, члены мусульманской фракции были солидарны с кадетами в пожелании конфискации помещичьих земель со справедливой компенсацией (тогда как мусульманские трудовики настаивали на безвозмездной конфискации). Но в вопросе о вакуфных землях позиция мусульман была особой, что должно было найти отражение в специальном законопроекте о вакуфных землях (прежде всего, в отношении Крыма), который готовился членами мусульманской фракции к внесению на рассмотрение Думы. В вопросе о вакуфной собственности произошел раскол между большинством мусульманской депутации и ее меньшинством в лице мусульманских трудовиков. Последние полагали возможным и даже необходимым конфискацию вакуфной собственности для раздачи малоземельным крестьянам. Еще один пункт, вызвавший оживленные дискуссии во фракции, касался вопроса о женском равноправии. Понадобилось разъяснение наиболее влиятельных улемов Троицка, Оренбурга и Казани, что в Коране нет указаний против политического равноправия женщин и мужчин, прежде чем этот пункт программы был окончательно сформулирован в либеральном духе. К 25-му марта программа была практически полностью проработана и подготовлена к печати. После составления устава, члены

мусульманской фракции намеревались выступить с думской трибуны с оглашением собственной платформы.

Однако в работе мусульманской парламентской группы сказывались ряд неблагоприятных факторов: отсутствие единого лидера, нехватка или даже отсутствие работоспособных членов фракции (оба законопроекта были результатом деятельности не депутатов – А.-М. Топчибашева и С.-Г. Алкина); несогласованность в действиях депутатов-мусульман (наличие местных, групповых интересов); финансовая недисциплинированность членов фракции и т.п.

Центральным вопросом во второй Думе оставался аграрный вопрос. Несмотря на уступки со стороны либеральной оппозиции, вскоре стало ясно, что столыпинская аграрная программа не пройдет. Правительство было настроено решительно против Думы и 3-го июня 1907 г. опубликовало указ о её роспуске. Одновременно был опубликован новый избирательный закон, ограничивавший доступ в Думу некоторых категорий населения, в том числе и по территориально-этническому принципу.

В период третьей по счету избирательной кампании средства массовой информации вновь заговорили об абсентеизме избирателей. Татарская пресса, отмечавшая апатичность и равнодушие мусульманского населения к будущей Думе, не была исключением из общего правила. Однако, несмотря на пессимистические настроения и разочарование в новом избирательном законе, лишившем ряд мусульманских регионов народного представительства, мусульманская общественность никогда не рассматривала возможность бойкота выборов, а наоборот готовилась к ним достаточно серьезно.

Ряд обстоятельств оказали значительное влияние на ход избирательной кампании в мусульманских регионах страны и, в конечном счете, на облик мусульманских депутатов в Думе. Прежде всего, избирательный закон 1907 года лишил представительства такие регионы с мусульманским населением, как Туркестан и Степной край, а также резко сократил количество депутатов, избираемых от Кавказа. Поволжские губернии, в том числе и Казанская, также попали в разряд неблагонадежных. Казань была исключена из числа городов, имевших право выбирать отдельного депутата. Повышение избирательного ценза привело к значительному уменьшению числа мусульманских выборщиков, а, следовательно, и возможной максимальной квоты для нерусских депутатов. В целом, по новому избирательному закону от населения регионов, где преобладали инородцы (Польша, Прибалтика, Кавказ, отчасти Волго-Уральский регион), оставалось всего двадцать пять депутатов. Новым в избирательной кампании осени 1907 года было практически поголовное разделение избирательных съездов на русские и инородческие.

Государственная дума 3-го созыва (1 ноября 1907 г. - 9 июня 1912 г.) была единственной, которая проработала весь отведенный ей законом срок. В течение 5 сессий Дума рассмотрела 2432 законопроекта. Из 442 депутатов, избранных в Думу 3-го созыва, мусульман было всего лишь 10 человек, что явилось следствием дискриминационного характера нового избирательного закона. По своему партийному составу Дума 3-го созыва - Дума “политической слабости и безвременья” - была гораздо более правой и умеренной. Возможно, Гайса Еникеев отказался занять предложенный ему пост товарища (заместителя) секретаря именно по причине крайне правого состава Думы.

В отдельную мусульманскую фракцию, которая окончательно оформилась 9-10 ноября, первоначально вошли только восемь депутатов. Крымчанин И. Муфтий-Зад присоединился к октябристам, а дагестанец И.-бек Гайдаров вошел во фракцию социал-демократов. В 1909 году И. Гайдаров окончательно вышел из группы социал-демократов и официально присоединился к мусульманской фракции. Председателем фракции был избран К.-М. Тевкелев, секретарями С. Максуди и Исмаил Леманов (на платной основе). Мусульманская группа приняла программу, разработанную членами мусульманской фракции предыдущих двух Дум. В общих вопросах мусульманские депутаты Думы 3-го созыва первоначально намеревались действовать с партией народной свободы, однако

двойное членство не разрешалось. Допускались лишь отдельные соглашения с другими партиями (преимущественно национальными группами и кадетами, а также октябристами) по конкретным вопросам. Мусульмане оставляли за собой право действовать самостоятельно как в вопросах общеполитического и общегосударственного характера, так и в тех, что касались преимущественно или исключительно мусульманского населения. Таким образом, мусульманская фракция третьей Думы внесла определенные коррективы в свою думскую тактику.

Члены мусульманской фракции третьей Думы, так же как и их предшественники, находились в тесном контакте с не депутатами, входившими в ЦК “Мусульманского союза”. Двое его членов провели в Санкт-Петербурге некоторое время, помогая депутатам в законотворческой деятельности. В работе комиссий, образованных при мусульманской фракции (по религиозным делам, вопросам образования и проверке старых законов, касающихся жизни мусульманского общества) активное участие принимали не депутаты (или депутаты Думы прежних созывов) – С.-Б. Каратаев, С.-Г. Алкин, А. М.-бек Топчибашев, Ф. Ханхойский и др. Среди тех депутатов-мусульман, которые реально занимались законотворческой деятельностью, прежде всего, следует отметить Г. Еникеева, входившего в комиссию по вопросам народного образования и работавшего над разработкой соответствующего проекта. На формирование политического облика мусульманской фракции достаточно сильное влияние оказывали Г.-О. Сыртланов и С. Максуди, чьи умеренные взгляды и осторожная тактика способствовали некоторому “поправению” мусульман. С думской трибуны выступали практически все члены фракции, но особо можно выделить кавказских депутатов Х. Хасмамедова и И.-б. Гайдарова. Из представителей Волго-Уральского региона наиболее яркие выступления принадлежат С. Максуди. Речи С. Максуди принесли ему широкую общественную известность в мусульманском мире России. Думская деятельность способствовала превращению молодого юриста, лишь недавно оставившего университетскую скамью, во влиятельного и опытного политика с большим будущим.

Однако в целом, по оценке современников, мусульманская фракция, должная стать центром мусульманского движения, не всегда справлялась со своей задачей, так как она была “малочисленна, слаба и мало активна”. Доставалось депутатам-мусульманам и за их бездеятельность, и за явное несоответствие результатов деятельности ожидаемым итогам. Очень критично татарская пресса отзывалась о политическом облике мусульманских депутатов.

Выборы в последнюю дореволюционную Думу – Думу 4-го созыва – проходили осенью 1912 года и осуществлялись по избирательному закону 1907 года. Власть попыталась учесть все свои “ошибки” и просчеты предыдущих избирательных компаний. В стремлении получить удобное для себя право-националистическое большинство она не останавливаясь ни перед чем. Помимо уродливого избирательного закона, правительство и местная администрация использовали весь имевшийся у них арсенал административных ресурсов. Практиковались массовые “разъяснения” неугодных кандидатов и избирателей, привлечение к судебной ответственности по надуманным поводам с целью устранить потенциально-опасных и заведомо успешных кандидатов, разделение выборщиков по отделениям и подотделам, использование послушного воле Святейшего синода православного духовенства и тому подобный набор незаконных по сути действий. Предвыборные приемы властей вызывали единодушное осуждение в обществе, даже в тех партиях, ради которых осуществлялись эти беззакония. Правые и левые, октябристы и националисты – все сошлись в отрицательном отношении к действиям правительства во время избирательной кампании.

Особенно удручающими результаты выборов оказались для казанских татар, ни один из кандидатов которых не был избран в Думу: С.Н. Максуди был снят с предвыборной дистанции, М.А. Сайдашев забаллотирован на втором туре голосами землевладельцев, а Г.Х. Еникеев предпочел баллотироваться по г. Оренбургу и губернии. Мусульманское

население Казанской губернии – одного из самых важных и значимых мусульманских центров – оказалось вовсе без своего представителя в российском парламенте. Впрочем, провал для мусульман избирательной кампании 1912 года объяснялся не только и не столько репрессивными действиями властей. Мусульманские политические деятели либерального толка так и не смогли организовать единый центр, должный руководить и координировать действия мусульманских выборщиков, а среди мусульманского населения не было четкого представления о стратегии избирательной кампании.

В работе последней дореволюционной Думы - Думы 4-го созыва (15 ноября 1912 г. - 25 февраля 1917 г.) - участвовало 442 депутата. Всего состоялось 5 сессий, которые, однако, часто прерывались на незапланированные каникулы. Председателем весь срок был М.В. Родзянко. Среди пяти заместителей секретаря был и один мусульманин - Гайса Еникеев. В этой Думе (особенно с осени 1915 года) все чаще складывалось оппозиционное правительству большинство. Правительство в свою очередь шло по пути внесения в Думу незначительных законопроектов, в то же время широко практикуя внедумское законодательство. По сути, в период работы четвертой Думы полноценными были только первые две сессии.

Мусульманская фракция четвертой Государственной думы состояла из 6 членов, возглавлялась К.-М. Тевкелевым. Секретарем был И. Ахтямов. Один из депутатов-мусульман - Магомед (Мамед) Далгат - во фракцию не записался, а примкнул к прогрессистам. Мусульманские представители не отдавали явных предпочтений одному политической группе, а были готовы к сотрудничеству со всеми думскими группами (особенно с национальными), неизменно находясь в блоке оппозиционных партий и фракций. Однако в целом фракция была близка к “Прогрессивному блоку”.

Незадолго до начала и в первые месяцы первой мировой войны в общественно-политической сфере внимание мусульманской уммы было привлечено к деятельности двух мусульманских съездов. IV-й Всероссийский мусульманский съезд состоялся 15-25 июня 1914 года в Петербурге и был посвящен вопросам реформирования органов управления духовными делами мусульман. В отличие от предыдущих мусульманских съездов, этот не просто проводился с разрешения властей, но и находился под неусыпным оком и бдительным контролем правительственных учреждений. Департамент духовных дел отклонил ходатайство организаторов съезда о допущении корреспондентов мусульманских периодических изданий. Власти также определили количественный (не более сорока делегатов) и отчасти персональный состав участников и программу съезда. На всех заседаниях присутствовал представитель Департамента духовных дел. В этом плане деятельность IV-го съезда была более формализована и подконтрольна властям. В организации данного съезда большую роль сыграла мусульманская фракция Государственной думы. Фактически ее члены стали инициаторами, главными организаторами и ведущими участниками этого форума. Итоговые решения съезда, а также одобренная программа реформирования духовных учреждений легли в основу деятельности мусульманской фракции и могут быть расценены как квинтэссенция взглядов мусульманской элиты в довоенный период.

Вступление России в первую мировую войну на первых порах вызвало всеобщий патриотический подъем и притупило конфликт с правительством. Однако вскоре, перешедшая в затянувшееся “состояние”, война сместила все акценты и приоритеты и еще больше дезорганизовала нормальную законотворческую деятельность Думы в целом и отдельных ее фракций в частности. Деятельность депутатов с общедумской трибуны и из комиссий переместилась преимущественно на уровень фракций и блоков и, вопреки желаниям правительства, приобретала все более оппозиционный характер.

В данной главе были проанализированы также политический облик, сословно-национальный состав и образовательный уровень мусульманского депутатского корпуса. Во все четыре Думы всего было избрано 79 депутатов-мусульман: 25 человек в I, 36 во II, 10 в III и, наконец, 7 в IV. Поскольку некоторые из депутатов избирались дважды, а один

– К.-М. Тевкелев – четыре раза, то во всех четырех Думах работало всего 67 мусульманина. Сословно-национальный облик депутатов-мусульман в некоторой степени был определен избирательными законами 1906 и 1907 гг., которые в целом ограничивали представительство нерусских народностей в российском парламенте. Во-вторых, избирательное право предоставляло преимущества имущим сословиям и социальным группам населения вне зависимости от национальной принадлежности. Определенную роль сыграли кратковременность работы первых двух Дум, неравномерность проведения выборов, несогласованность и раздоры среди мусульман, лишавшие их, в конечном счете, своего депутата. В итоге, в Думе представительство от отдельных мусульманских регионов, если соотносить его с данными переписи 1897 г. было явно несоразмерным: Волго-Уральский регион в четырех Думах был представлен всего 40 депутатами, Туркестан и Степной край - 16, Кавказ и Крым - 23 депутатами.

По национальному признаку депутаты-мусульмане представляли основные этнические группы страны следующим образом: больше всего было татар (25), далее следовали азербайджанцы (11), казахи (9), башкиры (7¹), лезгины (4), узбеки (3), крымские татары (2), туркмены и чеченцы (по 1). Наконец, этническая принадлежность 4 депутатов-мусульман еще не уточнена. Определение сословной принадлежности депутатов-мусульман несколько затруднительно, но в целом доминирующими в Думе сословиями были дворянство (19 депутатов, в том числе шестеро представляли родовую аристократию, являлись потомками владетельных ханов) и крестьянство (не менее 20-25 депутатов). Такие сословные группы, как мещанство, купечество и чиновничество, также были представлены среди депутатов-мусульман, хотя, безусловно, в меньшей степени. Значительную группу составляли депутаты, принадлежавшие к мусульманскому духовенству - 15 мандатов (или 13 человек, так как двое мулл избирались дважды). Но поскольку мусульманское духовенство не являлось отдельным сословием, то практически все муллы принадлежали к крестьянству. Региональная специфика проявилась в том, что, все депутаты-муллы были посланы в парламент населением Волго-Уральского региона (10) и, отчасти, Туркестана и Степного края (3).

Если говорить об образовательном уровне депутатов-мусульман, то вырисовывается следующая картина. Из этих 67 человек высшее и среднее образование имело 33 человека (соответственно 21 и 12), т.е. половина из общего числа депутатов. Среди 21 депутата с высшим образованием 11 имели юридическую квалификацию. В среднем образовательный уровень депутатов-мусульман сопоставим с данными по Думе в целом. Особенно высокий процент образованных был среди депутатов с Кавказа: из 19 депутатов 10 имели высшее образование, 5 среднее и 4 - неизвестно. Больше всего депутатов, не имевших европейского образования и плохо знавших русский язык, посылало население Туркестана и отчасти Волго-Уральского региона.

Общий облик и характер политических пристрастий депутатов, представлявших в Государственной думе мусульманское население, в некоторой степени являлся результатом целенаправленной правительственной политики. Но если в отношении отдельных неблагонадежных лиц власти добивались желаемого, то общий итог был скорее противоположным и политический облик депутатов-мусульман был гораздо левее и радикальнее, чем хотелось бы властям. Не случайно, что практически всегда депутаты-мусульмане оказывались в блоке оппозиционных фракций. Примечателен и факт размещения депутатов-мусульман в зале заседания Таврического дворца. Судя по архивным анкетам, мусульмане предпочитали занимать места между польским колом и фракцией народной свободы, а во второй Думе близкие к трудовикам - между последними и кадетами. Видимо, это месторасположение в целом отражало партийные симпатии депутатов-мусульман, колебания которых если и имели место, то в рамках левого центра.

---

¹ Надо отметить, что национальность некоторых депутатов носит “пограничный” характер, что отражено, например, в различиях между официальной национальностью по документам и национальностью “по родному языку”.

Хотя большинство было за сторонниками самостоятельной мусульманской фракции, далеко не все депутаты-мусульмане придерживались единства в этом вопросе, о чем свидетельствует участие отдельных депутатов в деятельности немусульманских объединений и фракций. Да и сама мусульманская фракция переживала достаточно длительный организационно-неопределенный период и была конституирована только в Думе второго созыва. Но и после ее оформления ряд депутатов (особенно во второй Думе) причисляли себя одновременно к двум фракциям - мусульманской и кадетам. Неопределенность, некоторая нечеткость "политической физиономии" депутатов-мусульман не была случайностью. Неоднозначность проблемы самоидентификации в национальном плане одновременно усиливалась поиском своей политической принадлежности, необходимостью выбора между существующим партийным размежеванием и стремлением перевести собственные национальные интересы в политическую плоскость.

Пятая глава диссертации озаглавлена *«Взаимоотношения членов мусульманской фракции с парламентскими объединениями и межфракционное сотрудничество»*. В данной главе рассмотрены контакты депутатов мусульман с различными партийными и внепартийными (национальными, сословно-профессиональными и пр.) фракциями Государственной думы, а также деятельность в рамках Союза автономистов, образованного в Думах 1-го и 2-го созывов.

Одним из наиболее мотивированных и длительных политических союзников мусульманской фракции в дореволюционной Думе были представители либеральных политических групп, прежде всего, кадеты. Стремление мусульман к союзу с кадетами и вхождение на первых порах в эту фракцию явилось следствием ряда обстоятельств. Среди российских мусульман были слабы традиции политической деятельности, что непосредственно связано с практически отсутствием собственной политической партии. "Мусульманский союз" находился в процессе создания, а формирование его происходило под сильным организационным и идейным влиянием кадетов. В этих условиях кандидаты в депутаты от мусульман нередко шли на выборы в блоке с кадетами, под их программой. Лидирующую роль среди избранных в первую и вторую Думу мусульманских депутатов играли либеральные представители интеллигенции с высшим, как правило, юридическим, образованием - С.-Г. Алкин, А.М.-б. Топчибашев, А. Ахтямов, чуть позднее С. Максуди, М.-А. Биглов.

В то же время отношения с либералами не были равными: уже к осени 1907 года во взаимоотношениях депутатов-мусульман с кадетами наметились первые симптомы "кризиса доверия", усилившегося в период первой мировой войны. Охлаждение в отношениях мусульман с кадетами, также как и явные симпатии, в период первых двух Дум, нельзя объяснить только одной причиной. Здесь и деятельность кадетской фракции в стенах парламента, недостаточно активная и искренняя (в глазах мусульман) защита и поддержка ими мусульманских требований; равнодушие и недостаточное внимание кадетской прессы к национальным и, прежде всего, мусульманским проблемам. Среди причин некоторого отдаления мусульманской политической элиты от леволлиберальных сил можно отметить и явно пренебрежительное отношение столыпинского и последующих правительств к кадетам. Кадетская фракция в третьей Думе оказалась не только в меньшинстве, но и в положении партии "изгоя", чьи предложения и проекты были заведомо обречены на провал, а потому союзнические отношения с ними не были политически привлекательными и тактически обоснованными.

Именно в третьей Думе, особенно в начальный период ее работы, наблюдается некоторое "поправление" мусульманской фракции и явные попытки наладить взаимодействие с умеренными либералами, в лице октябристов. Видимо некоторое, правда, очень непродолжительное, время члены мусульманской фракции рассчитывали на возможный союз с октябристами. Возможно, эта была попытка найти общий язык и компромисс с партией, которая, как полагали, пользуется поддержкой правительства и в

то же время не склонна к явным анти-инородческим выпадам и действиям. Подобные надежды или даже иллюзии могли порождаться неоднородностью самой октябристской партии. Наконец, высказывалось мнение, что разница между двумя либеральными партиями - кадетами и октябристами - лишь в том, что последние не склонны лукавить и скрывать свои взгляды и убеждения, в то время как первые идут "путем обмана". Симптоматично, что обвинения кадетов в неискренности раздавались из уст тех, кого еще недавно считали последователями проводниками либеральных идей в мусульманской среде ("Казан мухбире" и др.).

Вскоре, однако, обнаружилась явная очевидность ошибки и невозможность подобного альянса. Прежде всего, октябристы были склонны считаться с мнением немногочисленной мусульманской фракции еще в меньшей степени, чем кадеты. По ряду вопросов наблюдалось принципиальное несовпадение позиции мусульманской фракции и октябристов: в оценке аграрной и переселенческой политике столыпинского кабинета, в вероисповедном и школьном вопросах. Наконец, сильнейший кризис внутри октябристского союза, ставший предметом острых обсуждений на партийном съезде в 1913 г., и очевидное пренебрежительное отношение октябристов к национальным фракциям - все это явственно обозначило конец несостоявшегося блока.

Проблема политического союзничества решалась и в последней Думе, когда вновь был поднят вопрос о том, кого должна поддерживать мусульманская фракция, не ущемляя при этом интересы мусульманского населения и не оставаясь в одиночестве. Усилиями депутатов эта проблема была вынесена на страницы периодических изданий. После бурных дискуссий в мусульманской фракции, вылившихся на страницы газет, нуждавшаяся в союзниках из числа либеральных сил, малочисленная мусульманская группа из всех политических объединений остановилась на "Прогрессивном блоке" как наиболее приемлемом по программе. Однако представители мусульманской фракции не были даже приглашены на организационное собрание, а заявление члена фракции М.-Ю. Джафарова о желании мусульман присоединиться к блоку - проигнорировано. Вероятно, организаторы блока, и, прежде всего, его идейные вдохновители кадеты, преследовали цель сплочения думского большинства для оказания на традиционную власть "давления общественных сил". В конечном счете, сменив власть, они надеялись вывести Россию в победительницы в мировой войне. В этих стратегических планах малочисленной мусульманской фракции не было места. Тем более, что удовлетворение главных для мусульман вопросов национального и религиозного равноправия, ликвидации правовых, религиозных и национальных ограничений оттолкнуло бы от блока весьма большую октябристскую фракцию, без которой новый блок лишился всякого смысла. Впрочем, в мусульманских периодических изданиях вина за промахи и неудачи в создании политических блоков с прогрессивными элементами Государственной думы возлагалась на самих мусульманских депутатов.

Союз с более радикальными левыми думскими фракциями, прежде всего с трудовиками, был наиболее вероятен в период работы первых двух Дум. Но для левых партий был характерен, во-первых, ярко выраженный нигилизм в национально-религиозных вопросах. Для них национальные проблемы, также как и требования отдельных национальностей в Думе, имели второстепенное значение и уступали социальным проблемам. Возможно, именно этим объяснялся выход в 1909 году единственного социал-демократа мусульманина И. Гайдарова из фракции социал-демократов и присоединение к мусульманской группе. Во-вторых, им был присущи радикализм и крайности в постановке тех или иных проблем. В крайностях они часто сходились и голосовали вместе с крайне правыми течениями Думы, отвергая компромиссные решения и ставя заведомо непроходимые формулировки. Подобная позиция представителей левых групп наиболее ярко проявилась при обсуждении вероисповедного законодательства, вопроса о праздничных днях и школьного вопроса. Количественная незначительность левых партий в Думе 3-го и 4-го созывов, а также

обреченность союза с ними на роль политического изгоя делали подобные альянсы заведомо невыгодными.

Из всех национальных групп наибольшую симпатию мусульмане испытывали, безусловно, к полякам. Однако союз между этими фракциями был маловероятен в силу ряда обстоятельств. Следует учитывать явное равнодушие членов Коло к польским, внутрироссийским проблемам, желание дистанцироваться от них. Там, где интересы поляков не затрагивались, они занимали нейтрально-безразличную позицию. Парламентская тактика Польского коло, получившая название “политики свободных рук”, не оставляла весомых шансов на тесный контакт и союз, тем более с такой малочисленной и маловлиятельной группой, как мусульманская фракция. Судя по всему, поляки надеялись на возможность создания польской автономии внутри империи в качестве “исключения” (в обмен на лояльность к властям), а потому были безразличны к аналогичным желаниям других национальностей или даже занимали отрицательную позицию. В этом, вероятно, основная причина отсутствия тесного сотрудничества между поляками и мусульманами.

Позиция мусульман была иной. Во-первых, отсутствие опыта политической деятельности, неразвитость многих политических институтов внутри мусульманского общества подталкивали некоторых публицистов и политиков к мысли о необходимости учиться азам политической жизни, брать пример с других более опытных и “культурных” представителей российского парламента (М.-Ф. Туктаров). Наконец, вследствие малочисленности и слабости, члены мусульманской фракции были заинтересованы в союзниках и таковыми естественно могли стать представители национальных групп. Привлекательность польского коло усиливалась не только культурностью и образованностью его членов, но и наличием у последних четкой национальной программы и, главное, фракционного единства и согласованности действий.

Взаимоотношения с другими непартийными думскими группами (“украинской громадой”, литовской, польско-белорусско-литовской и казачьей группами) также носили нерегулярный характер, что объясняется рядом обстоятельств (незавершенностью процесса конституирования ряда национальных групп, несовпадением стратегических интересов, малочисленностью их членов, что уменьшало привлекательность подобных блоков и т.п.). На образование того или иного альянса оказывали влияние такие обстоятельства, как преобладание у ряда депутатов национальных или же местных областных интересов. Из примеров подобного рода можно указать на характер участия мусульманских представителей в работе сибирской группы, образованной в Думе 2-го созыва. В ее работе довольно активное участие принимали мусульманские депутаты, представлявшие кочевое население Степного края - С.Б. Каратаев, А.К. Беремжанов, М. Тынышпаев, Ш. Кошегулов и Х.Т. Нороконев.

История межфракционного сотрудничества в российском парламенте имеет и примеры реализованных в той или иной степени проектов. Одним из подобных проектов стал образованный перводумцами **Союз автономистов**. “Парламентская группа Союза автономистов” объединяла депутатов, избранных от национальных меньшинств, состоящих членами различных политических партий и организаций национального толка. Численность депутатов, входивших в Союз, к моменту разгона Думы колебалась по одним данным от 120 до 150, по другим от 125 до 135 человек. Большинство членов Союза автономистов одновременно являлись членами двух крупнейших фракций - кадетов или трудовиков. Инициаторами создания этого союза стали кадеты А. Ледницкий (председатель) и В.П. Обнинский. Одним из заместителей председателя был избран А. М.-б. Топчибашев. Бюро состояло из двенадцати человек. По некоторым данным, от имени мусульман в бюро также входил С.-Г. Джантюрин, а также С.-Г. Алкин от имени татар и Ш.-Г. Сыртланов от имени башкир. Фракция автономистов была объединением депутатов от национальных и религиозных меньшинств, зафиксировавших принцип автономии как решение национального вопроса. При этом признание этого принципа было единственно

обязательным условием для членства во фракции; по остальным вопросам членам союза автономистов была предоставлена полная свобода.

Век союза автономистов-федералистов был недолог. В качестве причин бессилия и непрочности союза назывались разные обстоятельства: наличие различных партийных интересов и задач; некоторая искусственность объединения столь разнородных элементов и пр. Но все же первопричиной его скоротечности стал разгон первого парламента. Поэтому можно лишь предполагать, насколько работа этого объединения была бы эффективной, смогло бы оно стать одним из влиятельнейших парламентских факторов, просуществовав первая российская Дума подольше.

О живучести федеративных идей свидетельствовал и тот факт, что во второй Думе союз автономистов был организован вновь. К концу марта в него сходило около 80 членов Думы, преимущественно члены украинской группы, латыши, литовцы и часть кавказцев. Бюро было предоставлено право кооптации новых членов от других национальных групп. Конкретных сведений о деятельности во втором Союзе автономистов мусульманских депутатов найти не удалось, хотя по сообщениям в прессе в данный союз вошли и мусульмане Поволжья и Урала, Крыма и Средней Азии. Союз автономистов второй Думы воспринял практически полностью программу союза, разработанную в первой Думе. В ней были те же основные принципы: нераздельность России как государства, признание территориально-национальной автономии, полной децентрализации государственного управления и признание национальных прав меньшинств (национальный язык в школе и суде и пр.). Члены союза автономистов намеревались внести в законопроект о местном суде и местном самоуправлении, а также аграрную программу поправки в духе программы автономистов. В законе о земле автономисты полагали более справедливым распространить автономный принцип на земельные комитеты. В законопроекте о местном самоуправлении были намерены настаивать на пропорциональности выборов. Кроме того, большое значение отводилось использованию местных языков в суде и системе образования. Сведения о деятельности союза автономистов в Думе второго созыва встречаются лишь в прессе, но не в официальных источниках. Возможно, союз так и не был до конца институционализирован по причине преждевременного роспуска парламента.

После третьеиюньского переворота не только соотношение сил в Думе изменилось в неблагоприятную сторону, но и в самом российском обществе произошли значительные сдвиги, прежде всего в общественном сознании и преобладающих настроениях. Ситуация была такова, что сам термин “автономизм” воспринимался в обывательской среде как нечто крамольное и этим активно пользовались в своих пропагандистских выступлениях правые и националисты.

Раздел III. Деятельность мусульманских депутатов по защите интересов мусульманского населения империи: публично-правовые и законотворческое направление состоит из четырех глав. Шестая глава диссертации, озаглавленная как *«Участие в разработке законопроектов и работа депутатов-мусульман в думских комиссиях»*, посвящена анализу таких аспектов деятельности депутатов-мусульман, как вклад их в законодательную инициативу, использование права интерpellации и участие в работе различных думских комиссий.

Важнейшей составляющей деятельности парламентариев было законотворчество. Законотворческая деятельность Думы строилась согласно “Учреждение Государственной Думы”. Хотя преимущественные права в законотворчестве были предоставлены правительственным органам (министерствам и департаментам), а члены Думы в основном занимались рассмотрением представленных законопроектов, думская инициатива полностью не исключалась. Однако неясность норм создавала благоприятную почву для возможных столкновений, для двоякого решения спора о приоритетности законодательной инициативы. К тому же, названные нормы создавали огромное поле возможностей для министерского “саботажа”, к чему они прибегали неоднократно.

За первые шесть лет существования российского парламента, его членами было внесено 268 законопроектов в виде законодательной инициативы: 15 законопроектов в Думе 1-го созыва, 44 во второй и 207 в третьей Думе. Касаясь результативности думской инициативы, следует подчеркнуть, что из внесенных депутатами первых двух Дум законопроектов ни один не стал законом, а из 207 инициатив Думы 3-го созыва обрели силу закона только 34 (из которых только 6 самостоятельно разрабатывались думскими комиссиями, а остальные 28 были приняты в редакции министерств). При этом, “успешность прохождения проектов обнаруживает явную и вполне естественную зависимость от политической физиономии группы, предлагавшей проект” (А.И. Шингарев).

Все эти обстоятельства и объективную реальность необходимо учитывать при рассмотрении итогов законотворческой деятельности депутатов-мусульман. Судя по данным таблицы № 2 в приложении, мусульмане поддерживали своими подписями, как минимум, каждый второй-третий законопроект, внесенный думскими группами. Более всего, мусульманские депутаты поддерживали законодательные инициативы иных фракций, особенно кадетов и трудовиков. Однако доля собственно мусульманских законопроектов была незначительна. В Думе первого созыва таких проектов не было вовсе, в Думе второго созыва – три законопроекта (“*Об ассигновании 1000000 р. на продовольственную помощь голодающему населению Закавказья*”, “*Об отмене правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев*” и “*О нормальном отдыхе иноверных служащих торговых и промышленных заведений*”). Под всеми тремя проектами подписались практически все мусульманские депутаты. В качестве инициаторов в первом случае выступили кавказские депутаты Ф. Ханхойский, Х. Хасмамедов и М. Махмудов, а во втором и третьем - А. Биглов, Р. Медиев, С. Максудов. Вследствие недолгой работы второй Думы подготовленные мусульманскими депутатами проекты даже не были вынесены на общее рассмотрение нижней палаты. Работа над другими законопроектами (аграрным, о реформе местных духовных учреждений, об уничтожении существующих для мусульман ограничений и пр.) находилась в стадии сбора материалов и предварительного обсуждения базовых принципов.

В третьей Думе такие малочисленные фракции, как мусульманская, были лишены возможности действовать самостоятельно. Они могли воспользоваться своим правом законодательной инициативы только предварительно заручившись поддержкой более крупной фракции или группы депутатов. Единственным проектом, разработанным и поддержанным членами мусульманской группы, можно назвать законодательное предположение “*Об учреждении землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях*”, внесенное 14 июня 1908 года. Инициаторами значатся К.-М. Тевкелев, Х. Хасмамедов и Ш. Тукаев, однако основным разработчиком этого проекта был, вероятнее всего, втородумец С.-Б. Каратаев. Законопроект подписали восемь депутатов-мусульман, то есть практически все члены фракции, но количественно преобладали кадеты (31 подпись). 26 мая 1909 года законопроект был направлен в земельную комиссию на заключение по вопросу о желательности, где и пролежал до конца работы Думы 3-го созыва. Кроме того, по два законопроекта были внесены в Думу по инициативе социалиста И. Гайдарова и октябриста И. Муфтий-Заде. В целом мусульманские депутаты (за исключением октябриста И. Муфтий-Заде) входили в группу объединенной оппозиции (прогрессисты, кадеты, трудовики, социал-демократы, национальные группы) и поддержали своими подписями 93 законопроекта, выдвинутых различными думскими фракциями (все данные представлены в таблице № 2 в приложении).

Первенство законотворческой инициативы в Думе 4-го созыва принадлежало уже не кадетам, а прогрессистам. Мусульманская фракция самостоятельно от своего имени не внесла ни одного проекта. Однако отдельные ее члены (например, И. Ахтямов), а также

мусульманин-прогрессист М. Далгат участвовали в разработке важных для мусульманского населения законопроектов. Малочисленность мусульманского депутатского корпуса (7 человек) первоочередной задачей ставила поиск возможных союзников, которые своими подписями поддержали бы ту или иную мусульманскую инициативу. Довольно устойчивым в Думе 4-го созыва был тандем двух северокавказских депутатов-прогрессистов - терского казака М.А. Караулова и М.М. Далгата. За период работы двух первых сессий они инициировали пять законопроектов. Депутат от Уфимской губернии и секретарь мусульманской фракции Ибниямин Ахтямов стал инициатором внесения в Думу законодательного предположения *“о предоставлении Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию права выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц мусульманских духовно-приходских школ (мектебе и медресе)”*. Проект был внесен 23 марта 1914 года за подписью 34 депутатов. То, что среди них только одна подпись была мусульманской, явилось следствием неоднозначного отношения к проекту Ахтямова членов мусульманской фракции.

Таким образом, в качестве самостоятельной законотворческой силы, депутаты-мусульмане были не слишком активны. Но критика в их адрес, усилившаяся особенно в период работы третьей и четвертой Дум, была оправдана лишь отчасти. Учитывая недолгую судьбу первых двух и характер третьей-четвертой Дум, с точки зрения реальности воплощения в закон шансов у мусульманских проектов практически не было, как впрочем, у всех проектов оппозиционных групп. Но в данном случае, наверное, более важно было продемонстрировать парламентскую состоятельность, умение облекать свои требования в конкретную форму законодательного акта и талант находить союзников в непростых условиях.

Другое направление деятельности мусульманских депутатов представляло собой право интерpellации (т.е. внесения запросов и вопросов), которое предоставлялось всем парламентариям. В Российской империи, несмотря на все усилия оппозиционного общества, Дума не имела главной парламентской функции – право определения состава правительства. Своего рода компенсацией этих контрольных функций Думы над правительством было право думского запроса (интерpellации). Инициативой запроса пользовалась группа, состоявшая не менее чем из 30 человек. Министр, которому адресовался запрос, должен был дать ответ в течение месяца, а если не желал давать пояснения – то отказаться. После полученных разъяснений депутаты принимали *“формулу перехода”*, в которой выражали свое отношение к объяснениям министров. Зачастую, во время обсуждения *“формулы перехода”* разгорались дискуссии не менее жаркие, чем во время принятия запроса.

Право интерpellации рассматривалось как единственный рычаг скорее морального воздействия на власть: публичные обвинения министров в незаконных действиях, оглашение этих обвинений в прессе – все это сказывалось на престиже центральной власти, вынуждало ее считаться с Думой, а иногда и действовать с оглядкой на возможные последствия публичных дебатов. Право интерpellации делало политику более публичной, а власть – подконтрольной общественному мнению. Или хотя бы создавало такую иллюзию. Надо сказать, что депутаты пользовались этим своим правом запросов весьма активно, порой даже злоупотребляли им. Особенно, это было характерно для левых фракций и групп. Иногда запросов становилось так много, что их обилие делало бессмысленным само право интерpellации – у депутатов физически не хватало времени, чтобы выслушать и обсудить все объяснения властей.

Впечатляет, например, обилие запросов, рассмотренных и принятых думцами за недолгий период работы первого парламента – всего был внесен 391 запрос, из которых 123 были признаны срочными. Министры ответили на 67 запросов после их принятия и на один во время обсуждения. В Думе 2-го созыва право интерpellации, по-прежнему, оставалось активно используемым, но мало действенным, по сути, депутатским правом: было внесено 36 заявлений о запросах и одно заявление о вопросе. Из них 11 запрос был

предъявлен властям, а остальные не были рассмотрены комиссией по запросам или же общим собранием Думы. Такое поведение Думы 2-го созыва было продиктовано желанием под угрозой скорого разгона принять как можно больше важных законов. Наконец, в Думу 3-го созыва было внесено 199 заявлений о запросах и вопросах. Из 157 запросов 19 были взяты обратно, 80 рассмотрены. В значительной мере ответы признавались неудовлетворительными или же по ним принимались зачастую компромиссные нейтральные “формулы перехода”.

Поскольку, запрос мог быть инициирован группой численностью не менее 30 человек, то для немногочисленных фракций вставал вопрос о политических союзниках, согласных поддержать своими подписями мусульманские запросы. Поэтому, очень часто (особенно в Думах 3-го и 4-го созывов) образовывались группы депутатов, которые поддерживали своими подписями запросы (как и законодательные инициативы) друг друга. Подписями мусульманских депутатов было поддержано, по меньшей мере, 185 заявлений о запросах и вопросах. По отдельным Думах картина следующая: в Думе 1-го созыва мусульмане подписали 47 запросов, в Думе 2-го созыва не менее 6 (данные не полные), в Думе 3-го созыва – 121 и в последней дореволюционной Думе – не менее 111 запросов и вопросов (данные также не полные).

Чтобы яснее понять и полнее оценить деятельность депутатов-мусульман, безусловно, нужно познакомиться с их работой в думских комиссиях. От работы думских комиссий во многом зависела продуктивность деятельности Думы. Только после того, как центр тяжести переносился в комиссии, работа Думы входила в свое нормальное русло. И хотя эта работа часто была скрыта от взора общественности, о ней мало сообщалось в прессе, она очень важна, так как в ней заключается вся суть Думы. Именно она превращала Думу из “трибуны демократии” в законодательный орган.

Поскольку опубликованных материалов о деятельности комиссий Думы I созыва и 3-5 сессий IV Думы недостаточно, то анализу была подвергнута в большей степени работа мусульманских депутатов в комиссиях Думы 2-го и 3-го созывов и первых двух сессий последней дореволюционной Думы, т.е. в 1907-1914 годах. Во второй Думе было образовано 22 комиссии и 1 совещание Президиума и ряда комиссий. В третьей Думе число комиссий возросло от 31 в 1-ую сессию до 45 в 5-ую сессию. Наконец, в Думе 4-го созыва было образовано соответственно 32 комиссии в 1-ую и 37 - во вторую сессии. Из них лишь 7-8 носили постоянный характер, а остальные были временными, т.е. избирались по особому постановлению Государственной думы для рассмотрения группы законопроектов или же отдельного вопроса.

В Думе 2-го созыва мусульманские депутаты были членами 18 комиссий, в третьей Думе - 17 комиссий и в последней дореволюционной Думе - 13 комиссий. По мере уменьшения общей численности депутатов-мусульман персональная нагрузка на отдельных его членов увеличивалась. Им приходилось участвовать в работе большего количества комиссий. В наиболее значимых комиссиях (по вероисповедным делам, народному образованию, аграрной, рабочему вопросу, переселенческой и пр.) постоянно работали представители мусульманской фракции (персональный состав в комиссиях представлен в таблице № 1 в приложении).

В последующих трех главах диссертации рассмотрена позиция мусульманских депутатов по различным вопросам. Обсуждавшиеся в Думе проблемы можно разбить на следующие основные блоки: (1) государственно-правовые вопросы, включая суд и судопроизводство; (2) социально-экономические проблемы (прежде всего, аграрный вопрос, переселенческая политика и экономическое положение национальных окраин); (3) вопросы гражданских свобод, в том числе религиозное законодательство; (4) народное образование; (5) социальная политика (прежде всего, вопрос о праздничных днях, а также о помощи голодающим и безработным). Именно при рассмотрении этих вопросов в комиссиях и, особенно, во время общедумских дискуссий наблюдалась наибольшая активность членов мусульманской фракции. По принципиальным вопросам депутаты

мусульмане занимали обычно консолидированную позицию. В то же время, видимое единство в защите “мусульманских интересов” не стоит принимать как показатель гомогенности мусульманского населения империи и однородности мусульманских интересов.

В седьмой главе диссертации *«Восприятие и оценка депутатами-мусульманами государственно-правовых вопросов: реформа избирательного права, органов местного самоуправления и судебной системы страны, ликвидация правовых ограничений»* рассмотрены проблемы, относящиеся к блоку государственно-правовых вопросов.

Государственно-правовые отношения не являлись центральными в деятельности депутатов-мусульман. Их больше волновали практические вопросы. Даже выступая по т.н. общеимперским вопросам, мусульманские депутаты зачастую обращались к своим, сугубо мусульманским проблемам, за что навлекали на себя обвинения в сепаратизме и игнорировании общегосударственных интересов. Подобная “однобокость” мусульманских депутатов объяснялось рядом обстоятельств. Среди них не было людей, приближенных к властными структурам, а потому сложно было бы ожидать от них защиты государственных интересов в понимании высшей бюрократии. Среди мусульманских депутатов, имевших юридическое образование, практически не было специалистов по государственному или финансовому праву. Но гораздо более важным было то обстоятельство, что выступления мусульманских депутатов, кроме всего прочего, были продиктованы осознанием своей роли избранников от мусульманского народа, интересы которых они и обязаны защищать в российском парламенте. Именно этот аспект деятельности мусульманских депутатов доминировал при обсуждении различных проблем.

Политическое кредо депутатов наиболее рельефно выражалось во время составления адреса членов Государственной думы, а также при обсуждении правительственных деклараций. Тема гражданства, а не подданства, равноправности, а не подчиненности являлась самой распространенной в выступлениях мусульман с думской трибуны при обсуждении общегражданских вопросов. При обсуждении вопросов, связанных с основами государственного строя и гражданскими правами населения, мусульманские представители, во-первых, находились в блоке оппозиционных партий, выступавших за признание и дальнейшее развитие конституционных перемен. Во-вторых, наиболее важными, с точки зрения мусульманских депутатов, были вопросы расширения избирательных прав и отмена ограничительных норм, обусловленных конфессиональной или национальной принадлежностью.

При обсуждении вопросов гражданского равноправия и всеобщих избирательных прав позиция мусульманских депутатов, в некоторой мере, определялась теми настроениями, которые доминировали в общественном настроении мусульманской уммы и проистекали из специфики религиозных воззрений большинства населения. В частности, речь идет о проекте введения всеобщих избирательных прав и вопрос о наделении политическими правами женщин. Вопрос о женском равноправии имел разную степень актуальности в различных мусульманских регионах страны. И его острота для ряда регионов проявлялась, в том числе, и в позиции некоторых мусульманских депутатов в этом вопросе. Из числа мусульманских депутатов наиболее активную и достаточно радикальную позицию в этом вопросе занимал кавказский депутат М. Шахтахинский, видевший в сохранении прежнего приниженого и угнетенного положения мусульманской женщины одно из главных бедствий и корень многочисленных проблем мусульманского мира.

Одним из важнейших направлений деятельности мусульманских депутатов стали усилия по ликвидации ограничительных норм российского законодательства, стеснявших мусульман в той или иной области. Первоначально, мусульманские депутаты присоединялись к соответствующим кадетским законопроектам. После того, как стало очевидно, что проекты общего характера заведомо обречены на неудачу, депутаты

мусульмане сосредоточили свое внимание на постепенной, поэтапной отмене отдельных ограничительных норм. Учитывая сильные антиеврейские настроения в Думе 3-го и 4-го созывов, мусульманские депутаты постарались изменить тактику и перестали увязывать решение “мусульманских” вопросов с общей либерализацией российских законов и признания равенства всех граждан России. Следует сказать, что подобная тактика не всегда приносила желаемый эффект, а надежды на традиционных союзников (кадетов и поляков) или же новых “попутчиков” (октябристов) очень часто оказывались несбывшимися и приносили разочарования.

Общей тенденцией в управлении окраинными территориями на рубеже XIX-XX вв. было стремление центральных и местных властей к скорейшему объединению подвластных им окраин с империей. Важным звеном в этом процессе унификации должна была стать предпринятая в ходе либеральных преобразований начала века судебная реформа. Однако, осуществление коренной реформы судопроизводства затягивалось. А применительно к нерусским окраинам возможность проведение судебной реформы в направлении, характерном для “русского” центра, вследствие национальных, религиозных и культурных особенностей этих окраин и вовсе ставилась под сомнение. Эти обстоятельства служили тем фоном, на котором происходило обсуждение вопросов судебной реформы в Думе и которые формировали взгляды мусульманских депутатов на анализируемую проблему.

Вплоть до Февральской революции вопрос реформу судопроизводства на окраинах с мусульманским населением обсуждался лишь в правительственных органах и на думское рассмотрение в виде отдельного министерского законопроекта не выносился, а потому с думской трибуны эта проблема не обсуждалась. Отсутствие народного представительства от мусульман Туркестана, а также главенство среди мусульманских интересов иных проблем, тормозило появление законодательной инициативы со стороны самих мусульманских депутатов.

Подводя итог рассмотрению вопросов реформы судопроизводства в думский период, можно выделить две преобладающие тенденции. Во-первых, это двойственность политики правительства по отношению к существующей судебной системе на окраинах империи, сочетание стремления к постепенной ликвидации мусульманской судебной практики с опасениями ее кардинальной ломки. А потому, обсуждение этой проблемы не выходило за пределы правительственных учреждений и министерских совещаний, а правительственные планы в этом вопросе редко становились предметом внимания мусульманской общественности. Вторая преобладающая тенденция проявилась во время обсуждения в Думе министерского законопроекта о реформе местного суда. В этом вопросе стремление нерусских депутатов (в том числе и мусульман) к использованию в местном судопроизводстве языка тех народностей, которые преобладают в данном регионе, и привлечению в суды национальных кадров столкнулось с явным противодействием правительства, опиравшегося на правое крыло депутатов. Противостояние было разрешено в пользу той стороны, за которой была сила государственной власти, но проблема этим отнюдь не была решена.

Внимание к деятельности органов местного самоуправления – городских и земских – также было обусловлено спецификой того региона, от которого избирались те или иные мусульманские депутаты. Для мусульман внутренней России (Европейской части России и Волго-Уральского региона) вопросы местного самоуправления не имели такой остроты, насколько важны они были для мусульман тех окраин, в которых земская и городская реформы 60-70-х гг. XIX столетия были осуществлены не в полном объеме. Вследствие этого, кавказские депутаты гораздо чаще поднимали проблему введения на Кавказе земского и городского самоуправления в полном объеме. В то же время, среди мусульманских депутатов, представлявших население внутренних губерний, было довольно много деятелей, связанных напрямую с работой в местных органах самоуправления (таблица № 1 в приложении). А потому, данные вопросы волновали их в

несколько иной плоскости: в плане привлечения к работе земских учреждений более широких народных масс, снижению высокого имущественного и образовательного ценза, отсекавшего от земств значительную часть татарского крестьянства. Еще одна проблема, волновавшая татарских депутатов внутренних губерний, заключалась в том, чтобы отменить правительственные распоряжения и циркуляры, ограничивавшие мусульман в праве использования земских средств на культурные и образовательные нужды. Члены мусульманской фракции не выступали с самостоятельными законодательными инициативами по вопросу о земском или городском самоуправлении, однако поддерживали подобные инициативы других фракционных объединений.

В главе восьмой **«Причастность мусульманских депутатов к обсуждению социально-экономических проблем: аграрное законодательство, бюджетно-финансовая и социальная политика»** рассмотрен блок проблем социально-экономического характера, привлекавших внимание мусульманских депутатов.

Аграрный вопрос был одним из центральных вопросов в деятельности Государственной думы. Более того, принципиальное несогласие оппозиционного большинства первых двух Дум с правительственной программой послужило одной из главных причин двухкратного разгона российского парламента с кардинальным изменением избирательного права. Позиция депутатов-мусульман в вопросе о путях разрешения аграрной проблемы была обусловлена рядом обстоятельств: этническим и сословным составом мусульманского депутатского корпуса, позицией в аграрном вопросе думского большинства, степенью остроты земельного вопроса в том или ином регионе страны.

В целом правительственная программа решения аграрного вопроса, даже в той части, которая не касалась переселения, не получила поддержки мусульманских депутатов. Мусульманские представители выступали против насильственного разрушения общины и дальнейшего расслоения крестьянства, за частичное принудительное отчуждение частновладельческих земель, за решение аграрной проблемы с учетом региональных природно-климатических, хозяйственных и национальных особенностей отдельных регионов обширной империи. В этом вопросе мусульманские представители в целом занимали положение среди умеренно-оппозиционных групп. Хотя в Думе 2-го созыва часть мусульманских депутатов придерживались более радикальной позиции и примыкали к социалистическому лагерю (Т. Эльдарханов, К. Хасанов, Г. Бадамшин и др.). Особую позицию мусульманские депутаты занимали по вопросу о вакуфной собственности, что было обусловлено не только принадлежностью к исламу и религиозными представлениями, но и традицией, а также потребностями мусульманской уммы, не получавшей никаких государственных субсидий для решения своих культурных потребностей.

Среди аграрных вопросов, касавшихся мусульманского населения Кавказского края, была проблема ликвидации остатков крепостнической зависимости. Пожалуй, архаичность многих устаревших форм взаимоотношений и необходимость их отмены не вызывала сомнений ни правительства, ни у общественности. Именно по этой причине, соответствующие законопроекты довольно безболезненно прошли через думское обсуждение и удостоились высочайшего утверждения.

Если мусульман Крыма и Туркестана в первую очередь волновало положение вакуфов, кавказских мусульман - сохранение многочисленных пережитков крепостнической системы, то для казахов, туркестанских мусульман и отчасти башкир первостепенной проблемой была переселенческая политика властей. В последнем вопросе все члены мусульманской фракции действовали как единомышленники. Переселенческая политика была одной из самых болезненных для мусульман окраин. Косвенно она затрагивала она и интересы мусульман внутренних губерний России.

Правительство и адепты правительственной политики в Думе признавали, что переселенческая деятельность имеет большие последствия. Многие чиновники в своих

служебных записках, а также ораторы с правых думских скамеек открыто признавали, что переселение имеет государственное значение, поскольку в лице переселенцев власть создает в крае с преимущественным инородческим населением основу для упрочения русской государственности, а, во вторых, позволяет решить аграрный вопрос в Европейской части России. Таким образом, проводимая переселенческая политика должна была, прежде всего, обеспечить неизбежность и неприкосновенность помещичьего землевладения. Среди соображений идеологического плана было желание увеличить на окраинах долю русского населения, которое единственное рассматривалось как верная опора русской государственности. Занимаясь колонизацией восточных окраин, власти делают большее дело, нежели просто заселяют окраины русским населением – они создают новую, будущую Россию. Быть или не быть великой России – так оценивали переселенческую политику правительства на правых думских скамьях.

Стремление обеспечить русское крестьянство необходимой землей за счет инородческого населения вызывало недовольство местного населения и способствовало обострению положения на этих окраинах. В выступлениях мусульманских депутатов с думской трибуны, в печати, а также в многочисленных прошениях от терпящих стеснение казахов доказывалось, что изъятие участков для переселенцев лишает казахские хозяйства возможности вести необходимые сезонные перемещения кочевий, подрывает их экономическую основу и, следовательно, обрекает на разорение. Мусульманские ораторы не столько призывали отказаться от переселенческой политики, сколько просили приостановить ее и прежде удовлетворить проблемы местного населения. Такая постановка вопроса в значительной мере была определена позицией коренного населения Степного края, зафиксированного в многочисленных наказах депутатам.

Противодействие курсу переселенческой политики властей оставалось одной из центральных тем в деятельности депутатов-мусульман. Поскольку население Степного края и Туркестана было лишено представительства в Думе (вполне вероятно, что оно было лишено этих прав в значительной мере по причине активного сопротивления переселенческой политике), функцию защиты их интересов взяли на себя депутаты от Волго-Уральского региона и Кавказа. Наибольший резонанс в Думе 3-го созыва вызвали выступления против переселенческой политики правительства таких членов фракции, как татарского депутата С. Максуди и дагестанца И. Гайдарова. Практической разработкой соответствующих законопроектов, касающихся интересов казахского населения, занимались бывшие депутаты А. Букейханов и С.Б. Каратаев.

Кроме традиционного малоземелья и “земельного голода”, а также негативных последствий переселенческой политики в думский период российское общество оказалось перед лицом серьезной социальной проблемы: весной и летом 1906 года 24-е российские губернии были охвачены голодом и сопутствующими болезнями (тифом, цингой и пр.). Стихийное бедствие вызвало очередную волну общественной критики властей, которое не только само бездействовало, но и нередко препятствовало общественной инициативе. Среди важнейших причин постоянных массовых голодовок и недоеданий были названы малоземелье крестьянского населения, отсутствие образования, отсутствие кредитов и правильной организации помощи голодающим. Правительство, опасаясь революционизирования населения, запрещало и ограничивало деятельность многих благотворительных организаций. Но его действия зачастую имели обратный эффект. В Думе первого созыва мусульманские депутаты практически не приняли никакого участия в публичном обсуждении продовольственной проблемы. Несколько иначе дело обстояло во второй Думе. На аудиторию, судя по откликам в прессе и свидетельству стенографических отчетов, сильное впечатление произвело выступление депутата от Уфимской губернии К. Хасанова. На депутатов и наблюдавших дебаты журналистов впечатление произвели не столько слова уфимского депутата, вполне обычные для представителя оппозиции, сколько продемонстрированный им кусок хлебного суррогата, напоминавший кусок земли. В Думе 3-го созыва тон в обсуждении продовольственной

проблемы задавали уже иные депутаты. Уже сам факт назначения председателем продовольственной комиссии одного из крупнейших поволжских хлеботорговцев, купца первой гильдии В.А. Карякина свидетельствовал о новом векторе в отношении к проблеме. Новым в Думе 3-го созыва было и то, что законопроекты о выделении кредитов на оказание помощи голодающим отныне вносились, как правило, правительством, а депутаты лишь обсуждали министерские проекты.

Из серии законопроектов, касавшихся социальной сферы, следует выделить пакет законопроектов о страховании рабочих и служащих от несчастных случаев и на случай болезней; проекты о нормальном отдыхе торговых служащих и ремесленников; проекты договора найма торговых служащих, а также меры по оказанию помощи безработным и меры по борьбе с пьянством. Рассмотрение социального законодательства происходило преимущественно во время функционирования Дум 3-го и 4-го созывов, когда законодательные палаты должны были рассматривать подготовленные министерствами законопроекты, призванные заменить собой многочисленные временные правила и циркуляры, действовавшие в этой сфере с начала века. Значительная часть из названных законопроектов фактически не была рассмотрена ни думскими комиссиями, ни тем более в общем заседании Думы, некоторые были заблокированы на уровне Госсовета.

Мусульманское население и их думских представителей социальные законопроекты волновали преимущественно в связи с реализацией религиозных прав. В этой связи показательно обсуждение в Думе законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих. Закон о нормальном отдыхе торговых служащих был издан 15 ноября 1906 года в виде временных правил согласно 87 статье основных законов. Правила допускали в местностях с преобладающим инородческим населением производство торговли в дни православных праздников и разрешали устанавливать обязательное прекращение торговли в иные дни, соответственно местным вероисповедным условиям. Правила 15 ноября 1906 года *de jure* закрепляли ту практику, которую фактически осуществляли местные власти, желая сохранить социальное и национальное равновесие в крае.

Однако правила 1906 года имели временный характер и для придания им законной силы, следовало провести их через законодательные органы власти. Правительственный проект закона о нормальном отдыхе торговых служащих в редакции временных правил первоначально был внесен в Думу 2-го созыва (представление от 12 апреля 1907 года), но не был ею рассмотрен. Также не был рассмотрен подготовленный самими мусульманами (прежде всего, в лице депутата-перводумца С. Алкина) проект закона под названием “*О нормальном отдыхе иноверных служащих торговых и промышленных заведений*”. В последующие месяцы правительство внесло ряд изменений и дополнений в действующий закон, опять-таки на основании 87 статьи.

Только с началом работы Думы 3-го созыва законопроект “*О нормальном отдыхе торговых служащих*” был вновь представлен на рассмотрение депутатов. Законопроект рассматривался в ряде думских комиссий, но особенно тщательно в комиссиях по рабочему вопросу и по городским делам. В период обсуждения этого законопроекта в комиссиях члены мусульманской фракции (И. Гайдаров, Х. Хасмамедов, Ш. Махмудов) выступили с ходатайством о предоставлении торговцам мусульманам право торговать в воскресные дни хотя бы несколько часов с запретом торговли по пятницам. В обосновании своего ходатайства, члены мусульманской фракции указывали на религиозные нужды 17-ти миллионного мусульманского населения страны, которым по Корану и шариату следует праздновать свои религиозные праздники.

Когда думское большинство отклонило все поправки и пожелания мусульман, а также поправку кадетов, Г.-О. Сыртлановым было сделано заявление, что члены мусульманской фракции, не имея иных возможностей противостоять насилию, в знак протеста покидают зал заседания. Впрочем, этот протест остался без какого-либо внимания со стороны думского большинства. Также без фактического внимания думского большинства остались телеграммы, присланные мусульманами из Казани, Оренбурга,

Уфы и других крупных центров с мусульманским торговым населением. В окончательной редакции закона, принятой Думой осенью 1910 года, интересы иноверческого населения не учитывались. Даже правительство было готово идти на большие уступки, нежели правое думское большинство.

Последняя глава раздела (девятая глава диссертационного исследования) называется **«Отношение депутатов мусульман к правительственной политике в духовно-религиозной области и в сфере народного образования»**.

Наибольшее внимание мусульманских депутатов было уделено религиозным вопросам, в числе которых были правительственные вероисповедные законопроекты, думские инициативы, направленные на реализацию принципов свободы совести, а также проблема реформирования органов духовного управления мусульман.

В отношении вероисповедных законопроектов, внесенных правительством, члены мусульманской фракции находились в числе оппозиционных фракций, настаивавших на дальнейшей либерализации вероисповедной политики и реального осуществления принципов свободы совести. Весной 1907 года народные представители, в том числе и мусульмане, безусловно, шли дальше тех рамок, что предусматривались правительственными законопроектами.

В Думе 3-го созыва для мусульман и представителей иных конфессий империи одним из наиболее важных был законопроект *“Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое”*. Представленный на рассмотрение депутатов министерский законопроект должен был закрыть ту правовую брешь, что образовалась в вопросе о переходе из одной конфессии в другую после Октябрьского манифеста. Его подробное обсуждение в комиссии состоялось в 1908-1909 гг., а доклад был представлен общему собранию 22 мая 1909 года. Внесенные комиссией и утвержденные Думой уточнения касались *свободы проповеди* и условий легализации перехода из христианской в нехристианские конфессии и меняли законопроект в либеральном духе. В поддержку проекта и защиту прав мусульман на свободу совести выступили К.-М. Тевкелев и И. Муфтий-Заде, Х. Хасмамедов и И. Гайдаров. Дебаты завершились принятием несколько измененного законопроекта 30 октября 1909 года. Однако существенной преградой на пути превращения проекта в закон стал Государственный совет, отклонивший все изменения, внесенные Думой. Работа согласительной комиссии (24 января 1912 г.) не дала желаемых результатов. Депутаты предпочли предоставить правительству возможность сохранить действующее *“временное правило”*, изданное еще в 1906 году и ставившее возможность перехода в зависимость от воли местной администрации. В период Думы 3-го созыва были утверждены некоторые министерские законопроекты, затрагивавшие религиозные интересы мусульман. Так, практически единогласно и почти без долгих прений Думой были приняты три министерских законопроекта, регулировавшие частные вопросы. Благоприятный исход был, видимо, предопределен тем, что данные законопроекты не подвергались изменениям и, по сути, не затрагивали принципиальных основ религиозной политики и потому не представляли опасности для государственной власти.

В период работы Думы 4-го созыва новых законопроектов, направленных на реализацию провозглашенного принципа свободы совести, власти не вносили. Более того, правительство забрало еще пять законопроектов из общего числа 11 министерских проектов, находившихся в думском портфеле. Таким образом, правительство продолжило свое отступление от того рубежа, к которому подошло на пути либерализации вероисповедной политики в период революционных потрясений 1905-1906 гг. Вплоть до Февральской революции вся религиозная политика в отношении представителей неправославных конфессий регулировалась на основе всевозможных временных правил и циркуляров. Судьба всех инакомыслящих и отпадавших от православия инородцев, в том числе и мусульман, всецело находилась в руках местной администрации. Следовательно *“фактическая возможность”* в любое время, по воле власти, могла превратиться и нередко

превращалась в “фактическую невозможность”, против чего выступали либеральные правоведаы и сторонники гражданского общества.

Кроме обсуждения религиозных законопроектов общего характера, мусульманские депутаты неоднократно поднимали проблему реформирования органов религиозного управления в соответствии с нуждами и потребностями мусульманского населения. Именно эти вопросы рассматривались в качестве важнейших, первоочередных и разрабатывались идеологами мусульманского политического движения наиболее тщательно. Можно даже сказать, что в начале XX века эти вопросы находились в самом эпицентре общественного внимания, а благодаря прессе они приобрели публично-массовый характер. Это было совершенно новым явлением, не виданным для второй половины XIX столетия. В период с конца 1904 года и до весны 1906 года, т.е. вплоть до созыва Государственной думы, в правительственные органы поступило более 500 прошений и ходатайств от мусульманского населения, в числе которых большая часть касалась вопроса о духовных делах. Наличие большого количества дублирующих друг друга прошений, но с оригинальными подписями и пришедших из различных местностей империи свидетельствует в первую очередь о мобилизационных ресурсах мусульманского сообщества (и, прежде всего, татар, которым бесспорно принадлежит лидирующая роль) и стремлении их действовать традиционными и доступными им методами воздействия на власть. Важно отметить участие будущих мусульманских депутатов в этой петиционной кампании не только в качестве рядовых просителей, но зачастую инициаторов и организаторов петиционной кампании.

Несмотря на множество повторов и дублирующихся мусульманских прошений, сравнительный их анализ позволяет выделить те узловые проблемы, которые волновали мусульман в зависимости от территориальной или этнической принадлежности. Для населения одних регионов вопрос стоял о создании органов духовного управления (Туркестан, Степной край и Северный Кавказ), для других – кардинальная реформа с расширением самостоятельности и укреплением финансового благополучия (Крым и Волго-Уральский регион), для третьих - ликвидация ограничений и мелочной опеки властей (татары в Среднеазиатском регионе, казахское население, духовенство Закавказья).

Широкая программа реформирования управления духовными делами мусульман, принятая третьим мусульманским съездом 15 августа 1906 года, стала программной и для членов мусульманской фракции. В числе основных пунктов программы был вопрос о выборности муфтиев, об уравнивании мусульманского духовенства в правах с православным, о реформе мусульманского прихода и мусульманских духовных учреждений. В вопросе о мусульманских духовных учреждениях планировалось провести кардинальную реформу с учреждением муфтиатов в тех регионах, где они отсутствовали, с превращением их в элементы одной структуры с единым центром и единым главой (раис-уль-исламом с правом представления императору по делам мусульманского населения). Безусловно, широкая программа преобразований, принятая мусульманскими съездами, хотя и соответствовала интересам и пожеланиям самих мусульман, не могла быть реализуема в условиях того времени, а особенно с наступлением эпохи реакции. Поэтому в 1907-1914 гг. внимание мусульманских деятелей, в том числе и депутатов, было сосредоточено на отдельных аспектах этой обширной проблемы. Речь шла в основном о выступлениях мусульманских депутатов во время обсуждения отдельных статей бюджета тех ведомств, которые имели непосредственное отношение к духовно-религиозным делам мусульман (МВД).

Известия о разработке правительством в лице ДДДИИ законопроектов, касающихся духовных дел мусульман, а также сообщения о начале работы с 29 апреля 1914 года работы “межведомственного совещания по мусульманским делам” при МВД стали сильным катализатором активизации деятельности мусульманской общественности в лице членов мусульманской фракции. По инициативе председателя фракции К.-М. Тевкелева 15-

25 июня 1914 г. состоялся съезд представителей мусульманских общественных организаций, признанный в литературе четвертым мусульманским съездом. Примечательно, что из 40 участников съезда пятнадцать являлись действующими или бывшими депутатами Государственной думы.²

Основными докладчиками на съезде стали действующие депутаты И.А. Ахтямов (доклады об ОмДС и управлении сибирскими мусульманами, а также обзор основных существующих проектов) и М.-Ю. Джафаров (о закавказских мусульманах), редактор газеты “Миллят” И. Леманов (о Таврическом духовном правлении); бывшие депутаты С.Н. Максуди (об основных положениях реформы управления духовными делами мусульман России), С.-Б. Каратаев (о положении казахов), А.М.-б. Топчибашев и др. Работа съезда-совещания проходила по трем основным секциям: организационной, по духовно-учебным делам и вакуфной. И хотя многие из поднятых вопросов не были до конца разработаны, в итоге съезд принял проект “Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи”. Проект был открыт для доработки и изменений. Однако он стал программным документом, на основании которого мусульманская фракция определяла свою позицию в вопросе о реорганизации духовных правлений и намеревалась внести в Государственную думу соответствующий законопроект. В силу особенностей политической системы страны реализации любых проектов, представленных самими мусульманами, в принципе была невозможна без соответствующего на то согласия правительственных структур. Именно поэтому эти вопросы не были решены, несмотря на неоднократное обращение к ним представителей фракции и мусульманской общественности в целом.

Во всех проектах преобразования духовных дел мусульман, какими бы радикальными или наоборот умеренными они не были, принцип выборности муфтия (для мусульман шиитов – шейх уль-ислама) был неизменным. Еще в 1905-1906 гг. когда в прессе появились первые сообщения о болезни муфтия М. Султанова и намерении последнего в этой связи подать в отставку, мусульманская общественность начала обсуждение кандидатуры будущего муфтия. Причем, очень быстро от частного вопроса о фигуре будущего муфтия перешли к более принципиальной проблеме установления принципа выборности духовных лиц. Это положение можно встретить практически во всех прошениях и ходатайствах мусульман 1905-1906 гг., а также оно было включено в решения мусульманских совещаний и съездов той поры. Кроме принципа выборности также обсуждался вопрос о продолжительности срока, на который избирался тот или иной муфтий. Во время мусульманских съездов 1905-1908 гг. наиболее часто повторялись варианты в четыре, пять или семь лет. В конце концов, остановились на сроке в пять лет, каковой был также подтвержден в проекте 1914 года.

Обсуждался и вопрос об обязательных качествах потенциальной кандидатуры на должность муфтия. Довольно определенно необходимые условия были сформулированы в резолюциях 3-го мусульманского съезда, состоявшегося в Нижнем Новгороде в 1906 году: кандидат на должность муфтия должен быть компетентным в религиозных вопросах, иметь безупречную нравственность и быть знаком с требованиями современной жизни. Вопрос об образовательном цензе претендента на должность муфтия в решениях мусульманских съездов был оставлен без окончательного рассмотрения. Хотя все понимали желательность для будущего муфтия светского образования, в силу отсутствия достаточного количества кандидатур, одновременно сведущих в догматическом кораническом праве и имеющих светское образование, прямого и точного указания о

---

² В работе съезда участвовали шестеро депутатов Думы 4-го созыва – И. Ахтямов, Г.-Л. Байтеряков, М.-Ю. Джафаров, М. Далгат, Г. Еникеев и К.-М. Тевкелев, а также девять бывших членов А. Ахтямов (г. Уфа), Дж. Курамшин (г. Белебей), Ш. Тукаев (д. Стерлибаш), С. Максудов (Казань), Х. Усманов (Каргалы), А. Букейханов (г. Самара), А.-М. Топчибашев (г. Баку), С. Б. Каратаев (Уральская область), С.-Г. Джантюрин (Санкт-Петербург).

степени образованности кандидатов нет в решениях ни мусульманского съезда 1906 года, ни последнего съезда 1914 года.

Проблема персонального состава муфтиата и дискуссии вокруг кандидатуры муфтия обострилась после кончины 12 июля 1915 года главы ОМДС хаджи М. Султанова. Мусульманская общественность попыталась использовать этот случай для того, чтобы сломать сложившуюся практику назначения главы духовного ведомства без согласования с самими мусульманами. Более, часть общественности надеялась, что им будет предоставлено право выбора. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в татарской прессе и решения собраний мусульман г. Уфы, Казани и др. местностей. Среди потенциальных кандидатов назывались такие имена, как глава мусульманской фракции К.-М. Тевкелев, бывшие депутаты С.-Г. Джантюрин, М.-А. Биглов и С. Максуди, а также военные Р. Сыртланов, купец И. Акчурин и др. Самыми влиятельными и популярными среди мусульманского населения кандидатурами признавались С. Максуди и Г. Галеев-Баруди. Однако оба мусульманских кандидата с точки зрения государственных интересов в глазах чиновников являлись крайне неподходящими: за С. Максуди тянулся шлейф славы одного из наиболее активных думских деятелей, боровшихся за мусульманские “национальные” интересы. Г. Баруди в свое время привлекался к административной ответственности и высылке из Казанской губернии за панисламистскую деятельность. В то же время, уже в июне месяце взор чиновников был остановлен на кандидатуре петроградского ахуна С. Баязитова. 24 июля состоялась аудиенция на даче министра внутренних дел, а уже 27 июля 1915 года кандидатура С. Баязитова была утверждена императором. Такого “молниеносного” назначения не было за всю историю Духовного собрания.

Центральную роль в движении протеста играла мусульманская фракция, также как и бывшие мусульманские депутаты. 7 августа телеграмму с протестом послали мусульмане г. Казани. Первыми стояли подписи бывших депутатов С.-Г. Алкина и С. Максуди. Безответными, по сути, остались и прошения членов Государственной думы К.-М. Тевкелева, Ибн. Ахтямова и М.-Ю. Джафарова о встрече с министром внутренних дел с целью каким-либо образом попытаться изменить принятое решение. Репрессивными мерами властям удалось достичь видимого успокоения мусульманской общественности. Но это было лишь видимость успокоения. Даже если не принимать во внимание нападки прессы и публичные выступления представителей мусульманской фракции, было очевидно, что слишком много симптомов недовольства. Как только произошла Февральская революция, одним из первых действий мусульманской общественности стало немедленное свержение ненавистного муфтия.

Другой из наиважнейших проблем, находившихся в центре деятельности мусульманских депутатов, была проблема народного образования. Определению контуров государственной политики и анализу позиции депутатов мусульман в этом вопросе посвящена значительная часть данной главы.

В Российском парламенте дореволюционного созыва (1906 - 1917) вопросы образования мусульманского населения (как часть общей проблемы инородческого образования), как правило, поднимались в ходе:

- обсуждения министерских законопроектов по всеобщему начальному образованию;
- при обсуждении сметных расходов Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел;
- в связи с возникновением вопроса о реформе православных церковно-приходских школ;
- в связи с обсуждением насущной проблемы реформы духовных учреждений и подчиненных им мусульманских конфессиональных учебных заведений.

При этом вопрос об образовании мусульманских народов неизменно увязывался с общим направлением государственной политики в области инородческого образования, с вопросом о политической лояльности мусульманских народов и развитии в их среде

национального, культурного и, в конечном счете, политического сепаратизма. В целом, в деятельности Думы различных созывов можно проследить определенные различия и нюансы в обсуждении этих проблем, обусловленные рядом обстоятельств.

Уже в Думе второго созыва по инициативе мусульманской фракции было внесено законодательное предположение *“Об изменениях правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев”*, подписанное 31 депутатом. Проект опирался на многочисленные приговоры мусульманских обществ и ходатайства мусульманского населения, поступавшие в 1905-1906 годах в правительственные учреждения, а с началом работы парламента и в адрес мусульманской фракции. Основным его положением была отмена правил 1906 года как преследующих цель исключительно распространение среди инородцев русского языка и игнорирующие истинные нужды народа.

В Думе 3-го созыва рассматривался целый пакет законопроектов, касавшихся вопросов народного образования на всех его ступенях. Инородческие интересы затрагивались, в основном, при обсуждении законопроекта *“О введении всеобщего начального обучения в Российской империи”*, поскольку речь о родном языке в качестве языка обучения могла идти лишь в отношении начальной школы.

В вопросе о начальной школе для нерусского населения наиболее дискутируемыми были следующие вопросы – вопрос о языке преподавания, о продолжительности обучения, о программе, о преподавательском составе, о государственных субсидиях и, наконец, о народностях, за которыми допускается право преподавания на родном языке и пр. При обсуждении этих вопросов было высказано много различных мнений, как взаимоисключающих, так и занимающих некое промежуточное положение. Вероятно, невозможно сформулировать все точки зрения. Важно, что все депутаты рассуждали об интересах государства, но каждый из них понимал эти интересы по-своему. Иногда это понимание расходилось настолько кардинально, что кажется речь идет о гражданах разных стран. Оппозиционные депутаты, в том числе и мусульмане, могли опираться лишь на поддержку общественности и к ней апеллировать. А потому, предложения Г. Еникеева можно рассматривать как выражение взглядов мусульманской общественности на будущее национальной школы. Более того, будучи представителем волго-уральских мусульман (татар и башкир), в своих действиях Г. Еникеев выступал как защитник интересов всех мусульман. И в каждой конкретной ситуации он предлагал такие варианты, которые могли бы удовлетворить интересы максимально широкого числа мусульман с учетом этнических и местных, региональных особенностей.

Однако все дебаты и столкновения мнений, попытки депутатов найти компромиссное решение и договориться оказались, в конечном счете, бесполезными: Госсоветом в заседании 5 июня 1912 года принятый в думской редакции законопроект *“О введении всеобщего начального обучения в Российской империи”* был отклонен.

Печальная судьба базовых законопроектов о начальном образовании и безболезненное прохождение министерских законопроектов из разряда *“вермишели”* внушала многим инородческим депутатам мысли о невозможности продуктивного рассмотрения насущных для нерусских национальностей проблем в стенах российского парламента. Этим же объяснялась и ориентация некоторых мусульманских депутатов на подготовку частных законопроектов, примером чего может служить внесенное в период работы Думы 4-го созыва по инициативе Ибниязина Ахтямова законодательное предположение *“о предоставлении ОМДС права выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц мусульманских духовно-приходских школ (мектебе и медресе)”*.

Проблема образования мусульман, как, впрочем, и иные *“инородческие”* проблемы, обострились в период обсуждения смет отдельных ведомств. В частности, во время обсуждения сметы МНПр. на 1913 год (последний довоенный, мирный год) представитель мусульманской фракции и неизменный член комиссии по народному образованию Г.Х. Еникеев в очередной раз огласил пожелания мусульман в области школьного вопроса, сформулированные в одиннадцати пунктах. Очевидно, что для правительства и думского

большинства были неприемлемы основные принципы, заложенные в этой программе – признание родного языка в качестве языка обучения, финансирование учебных заведений для инородцев из государственной казны, сохранение автономного положения мусульманской конфессиональной школы. Думается, что сами мусульманские депутаты вполне осознавали не реализуемость этой программы в условиях того времени. Однако озвучивание этой программы с думской трибуны преследовало цель не столько получить поддержку думского большинства, сколько озвучить требования мусульман перед российской общественностью. Мусульманские депутаты отлично осознавали, что речь депутата, зафиксированная в стенографических отчетах и растиражированная прессой, будет иметь гораздо большую аудиторию, нежели пара сотня людей в стенах Таврического дворца.

Кроме перечисленных выше проблем, в главе было рассмотрено отношение членов мусульманской фракции к таким проблемам, как урегулирование вопросов, связанных с хаджем (паломничеством к святым местам), вопрос о военной отсрочке представителям мусульманского духовенства, о ритуальном убое скота, о волнениях в Туркестане и пр.

Раздел IV. Российское общество, мусульманская умма и депутаты мусульмане: практика взаимодействия. Раздел состоит из двух глав. В десятой главе диссертации, озаглавленной *«Мусульманское население империи и его думские представители в средствах массовой информации»* проанализировано взаимодействие депутатского корпуса со средствами массовой информации, в первую очередь прессой и представителями новой зарождающейся группы – фотокорреспондентами.

Общероссийская русскоязычная пресса отличалась относительно слабым вниманием к жизни мусульман, особенно к их внутренним проблемам, о чем с сожалением писали все татарские издания, приветствуя каждый факт появления объективной информации о мусульманах России. Думается, что для российского общества была характерна общая плохая осведомленность о событиях, происходивших в мусульманском мире, в силу незнания языка, слабого знакомства с тюрко-язычной литературой и прессой, непонимание духовных, культурно-бытовых и прочих потребностей мусульманской уммы России. Свою негативную роль играла традиция, когда мусульманами интересовались больше правительственные чиновники, миссионеры и узкий слой ученых-востоковедов. Практически все публицисты той эпохи, объединявшиеся вокруг наиболее крупных столичных изданий, выходивших на русском языке - как либеральных (“Вестник Европы”, “Русская мысль”, “Речь”, “Право” и пр.) или же народнических (“Русское богатство”) газет и журналов, так не говоря уже об изданиях консервативно-охранительного толка (“Новое время”, “Россия”) - не баловали мусульман повышенным вниманием.

Говоря о представителях в Думе мусульманского населения, даже многие кадетские и близкие к ним издания зачастую лишь ограничивались беглым упоминанием факта их существования. Неизменно подчеркивались союзнические отношения. Явное предпочтение отдавалось “польскому” и особенно “еврейскому” вопросам, являвшимся с точки зрения кадетов важнейшими из всех “инородческих” вопросов. Весьма показательны то, как “мусульманский вопрос” отражался на страницах таких политических антиподов, как “Речь” и “Новое время”. Фронтальный просмотр двух годовых комплектов названных газет за 1906 – 1908 года позволил выявить те существенные расхождения, которые определяли принципиальную разницу в подходах либерального и консервативного издания к “мусульманскому вопросу”.

Весьма показательны, как складывались взаимоотношения и строились контакты депутатов-мусульман с думскими корреспондентами. В Государственной думе за весь ее дореволюционный срок официальное представительство имели лишь пара мусульманских изданий – вероятно газета “Ульфят” в лице ее редактора Г. Ибрагимова в первых двух Думах и газета “Нур” в Думе 3-го и 4-го созывов, возглавляемая

Баязитовыми. Остальные мусульманские издания были вынуждены довольствоваться перепечатками сообщений из официальных изданий, выдержками из стенографических отчетов Думы или же корреспонденциями самих мусульманских депутатов.

Для того чтобы понять столь незначительное в целом представительство мусульманских изданий в российском парламенте, был сделан общий экскурс в условия работы думских корреспондентов. Он свидетельствует, что постепенно условия работы думских корреспондентов не просто ужесточались, а скорее подвергались довольно жесткой бюрократической регламентации (в лице думской канцелярии и Главного управления по делам печати), требованиям которой могли соответствовать далеко не все издания. В этом отношении мусульманские издания не могли составить конкуренцию ни центральным, ни ведущим провинциальным российским изданиям. Вдобавок к этому, содержать в столице специального думского корреспондента было слишком накладно для малотиражных, зачастую весьма убыточных и отдаленных от столицы провинциальных изданий. Все сказанное в полной мере относится ко всем мусульманским изданиям. Многие татарские газеты, даже самые крупные, не обладали ни финансовой, ни иной возможностью постоянно держать при Думе своего собственного корреспондента. Исключением являлись лишь газеты “Нур” и, возможно, “Ульфят”. При этом, наверное, не было ни одного тюрко-язычного издания, не печатавшего материалы о деятельности Государственной думы и особенно ее мусульманской фракции

Может быть, татарские и азербайджанские издания, не имевшие своих специальных думских корреспондентов, не так уж много и теряли, поскольку их функции нередко выполняли сами депутаты (в том числе и бывшие), а также татары, бывавшие в столице в силу ряда обстоятельств достаточно часто и длительное время. Кроме того, члены мусульманской фракции присылали в редакции ведущих татарских газет обращения к общественности, а также информировали о своей деятельности. В итоге, по думской жизни наиболее информированными являлись такие стабильные и авторитетные татарские издания, как газеты “Юлдуз”, “Вакт”, “Баянелхак”, “Кояш”, “Ил”, “Турмуш”. Среди азербайджанских изданий исследователи выделяют такие газеты, как “Иршад”, “Хаят” (продолжение “Таза хаят”), “Ачыг сюз”.

Татарская пресса неоднократно сетовала на слабое внимание российской общественности к мусульманским проблемам. Именно с целью преодолеть вынужденную изоляцию и поведать о своих проблемах, мусульмане предприняли несколько попыток издания периодических органов на русском языке. Однако большая часть этих проектов остались неосуществленными, прежде всего вследствие финансовых проблем. Изданий, являвшихся непосредственными периодическими органами депутатов-мусульман было всего два: это газеты “Дума” (1907 г.) и “Миллят” (1913-1915 гг.). В целом, значимость этих двух изданий среди татарской прессы была невелика. Они были недолговечны и не смогли превратиться в постоянные и влиятельные периодические органы, играющие ведущую роль в освещении политической жизни российского общества в целом и мусульман в частности.

Зарождение в России парламентарной системы и деятельность Государственной думы совпали с эпохой развития фотографии, которая переставала быть только лишь “художественной светописью”, частью изобразительного искусства, исключительно прерогативой мира искусства, а все больше вторгалась в мир политики. Кроме очерков, выходящих из-под бойкого журналистского пера, владельцы периодических изданий весьма охотно публиковали на своих страницах фотографии, сделанные в стенах Таврического дворца. Помещенные в газетах индивидуальные и групповые фотопортреты депутатов, различные событийные фотографии не просто украшали газетные полосы и книжные страницы, подчас они несли чрезвычайно богатую и важную информационно-смысловую нагрузку. Но вероятно, более важно, что они позволяли читателям почувствовать себя сопричастными к описываемым событиям, делали их более зримыми и потому сокращали дистанцию между народом и народными избранниками. Осознанно,

или не совсем, но таким образом фотографии и помещавшие их фотографии владельцы изданий вкладывали свою весомую лепту в пропаганду и популяризацию народных избранников в широких слоях населения.

Фотографы не просто появились в Таврическом дворце в первые же дни работы Государственной думы. Они постарались запечатлеть историю с самого первого дня, с момента зарождения Российского парламента. Столичные фотографы стали летописцами всех стадий избирательной кампании, запечатлели торжественный прием, оказанный Николаем II первым народным избранникам в Зимнем дворце, зафиксировали прибытие депутатов к Таврическому дворцу, сопровождаемое толпами восторженной учащейся молодежи и студенчества. И так, шаг за шагом, день за днем фотографы запечатлевали все казавшееся им наиболее важным, что происходило в зале Таврического дворца и в его кулуарах. Благодаря их деятельности история Государственной думы богата бесценными свидетельствами, которые можно трактовать различно, в зависимости от избранного исследователем ракурса.

Из четырех дореволюционных Дум наибольшее количество фотографий, безусловно, оставили первые две. Наряду с многочисленными сочинениями и воспоминаниями, этот факт является яркой иллюстрацией того, что перводумцы, как, пожалуй, и все общество, были убеждены в том, что “именно здесь и сейчас рождается новая эпоха всемирной истории; и мы можем сказать - мы были причастны к этому” (А Цитрон). А потому фотографы стремились запечатлеть буквально каждый шаг рождения “новой жизни”. Чувство сопричастности к значительным событиям, исторической важности происходящих событий - все это пронизывает многие фотоснимки того времени. После того, как были разогнаны первые две Думы и начала работать третья, самая “работоспособная”, но и самая “сучная”, по мере того, как ослабевали страсти, наступало “успокоение”, общественный подъем и состояние эйфории сменились апатией и равнодушием к тому, что творилось в стенах Таврического дворца. Эта смена настроений проявилась и в значительном уменьшении внимания к депутатам со стороны фотографов. Может быть, фотографы интуитивно уловили, что пульс общественной жизни бьется уже не в Государственной думе, а далеко за пределами Таврического дворца.

Практически все групповые фотографии депутатов-мусульман, сохранившиеся в коллекции ЦГАКФФД, относятся к Государственной думе 2-го созыва и сделаны под маркой К.К. Буллы. Но центральные издания чрезвычайно редко, вернее даже практически никогда не публиковали групповые фотографии депутатов-мусульман. Возможно, связано это было с тем, что внимание платежеспособных (в плане гонорара фотографу) и состоятельных правых и националистических изданий было более обращено к депутатам западных окраин или же национальным русским героям. Иностранцы интересовали в гораздо меньшей степени и чаще в качестве яркой иллюстрации. Например, иллюстративный журнал “Нива” весьма охотно помещал видовые фотографии экзотических мест Туркестана и Кавказа. Облик политических деятелей из числа иностранцев не слишком интересовал читательскую аудиторию этих изданий. Невостребованность фотографий среди мусульманских изданий может быть объяснена неспособностью их вследствие финансовых проблем не то, что иметь специальных думских фотографов, но порой даже просто выкупить фотографии у думских фотохроникеров. Единственная из мусульманских газет, поместивших групповую фотографию депутатов-мусульман Думы второго созыва, стала газет “Вакт”.

В заключительной одиннадцатой главе диссертации «*Мусульманская фракция – “национальный” центр российских мусульман*» рассмотрены такие аспекты деятельности мусульманских депутатов, как контакты с мусульманской общественностью и деятельность при фракции бюро; взаимодействие с различными политическими объединениями, отношение к Думе и депутатам маргинальных слоев мусульманской уммы и пр.

Как и в других европейских странах, в России была принята доктрина национального представительства: член парламента представляет не избирателей своего округа, а нацию в целом. Поэтому избиратели не могли давать членам Думы наказов и отзывать своих представителей, также как депутаты не должны были отчитываться перед своими избирателями. На практике, однако, депутаты, особенно крестьянские, рассматривали себя в качестве народных избранников, получали многочисленные наказы и старались их выполнять.

Одной из важнейших составных частей в их парламентской деятельности являлось поддержание постоянных контактов и связи депутатов-мусульман с населением. Получаемые депутатами письма и телеграммы из местностей с описаниями различных происшествий и злоупотреблений местных властей часто ложились в основу подготовленных мусульманами запросов. Нередко, письма и телеграммы инициировались самими депутатами. Также как и депутаты обращались на места к наиболее влиятельным представителям духовенства с просьбой дать заключение о соответствии того или иного решения проблемы нормам шариата. В свою очередь депутаты стремились информировать население о своей работе. На заседаниях мусульманской фракции нередко появлялись представители различных российских общественных организаций, желающие привлечь мусульманских депутатов на свою сторону. Приветственные телеграммы, посылаемые мусульманами различных губерний в адрес своих депутатов, свидетельствовали об интересе, проявляемым населением к деятельности Думы. Особенно много было приветственных и поздравительных писем в период работы думы 1-го и 2-го созывов. Во время работы Думы 2-го и 3-го созыва взаимодействие мусульманских депутатов с обществом происходило главным образом через прессу.

Тенденция превращения фракции в некий общенациональный центр имела в значительной степени стихийный характер. В то же время в отдельных региональных изданиях и на всероссийских мусульманских съездах буквально с первых дней работы российского парламента проговаривалась идея создания при мусульманской фракции специального бюро. Причем планируемое мусульманскими съездами бюро из трех-четырех живших в столице и работавших на платной основе общественных деятелей рассматривалось как неотъемлемая часть мусульманской партии. Отказ в легализации “Мусульманского союза” осложнил реализацию этого проекта. Тем не менее, такое неформальное бюро в 1907-1908 гг. все же функционировало. Оно состояло из бывших депутатов (А. М.-б. Топчибашева, С.-Г. Алкина, С.-Б. Каратаева), помогавших членам фракции в разработке важных документов и законопроектов. Значительные усилия по превращению этого неформального бюро в постоянно действующий орган были предприняты мусульманскими депутатами летом 1909 года.

По наблюдениям сотрудников департамента полиции и сообщениям мусульманской прессы, постоянное бюро при мусульманской фракции начало функционировать в марте 1916 года. Первоначально в него входило 4 представителя от Казани, Уфы, Оренбурга и Троицка. Естественно, что для налаживания работы бюро и фракции в целом требовалась финансовая подпитка, единовременных пожертвований было недостаточно. В этих условиях департамент полиции и местная администрация видели свою основную задачу в том, чтобы не допустить “производство незаконных сборов с мусульманского населения” и всячески препятствовали неформальным контактам мусульманских депутатов с общественностью. Среди наиболее деятельных членов бюро отмечались фактический редактор московской газеты “Сюз” Ахмет Цаликов, сотрудник Главного управления по делам печати Захид Шамиль и Заки Валиди. Именно члены бюро при фракции стали тем связующим звеном, которые позволяли укрепить связи между депутатами-мусульманами и общественными движениями и объединениями, игравшими в мусульманском мире России ведущую роль. И именно общественная роль депутатов мусульман, учитывая крайнюю непродуктивность их законотворческой деятельности, оправдывает сам факт существования отдельной мусульманской фракции в стенах Таврического дворца.

Высказывая тезис о превращении мусульманской фракции в национальный центр, нельзя не учитывать то обстоятельство, что свое отношение к Думе в целом и ее мусульманским представителям в частности высказывали люди, занимавшие достаточно активную общественную позицию. Мнение аполитичной части мусульманской уммы определить сложнее, особенно с учетом фрагментарности и очень плохой сохранности источников личного происхождения. По косвенным данным можно понять, что абсентеизм избирателей в период предвыборной кампании, скука и апатичность, царившие в стенах Таврического дворца, отмечаемые изданиями всех политических лагерей, активизация иных, внедумских структур (например, культурно-благотворительных обществ) – все это было ответом общества на деятельность российского парламента.

Другая особенность артикулирования своего отношения к парламенту и ее мусульманской фракции заключалась в следующем. Как правило, мусульманские депутаты подвергались регулярной критике, как в национальной, так и русскоязычной прессе. Правда, в основе этой критики лежали разные побудительные мотивы и преследовались порой диаметрально противоположные цели. Для тюркоязычной прессы критика была средством национальной мобилизации: указав на недостатки в работе фракции, критики надеялись способствовать качественному улучшению ее деятельности, увеличению ее КПД. Но как бы критически не относились к мусульманским депутатам национальные издания, они всегда рассматривали фракцию как важный национальный центр. Критика со стороны правительственных или же русскоязычных националистических изданий почти всегда носила обличительный или же дискредитирующий характер.

В данной главе была рассмотрена позиция и проанализированы аргументы той части общества, которая не просто ассоциировала себя с мусульманской уммой, но претендовала на выражение истинно-мусульманских взглядов. Она занимала, как правило, оппозиционную к мусульманским депутатам позицию. Подобные взгляды отчасти выражались в очень немногочисленных мусульманских периодических изданиях консервативного характера (“Дин ва магыйшат”), а также в более многочисленных ходатайствах и частных письмах в адрес чиновников ДДДИИ представителей консервативного крыла мусульманского духовенства (ишанами Курбангалеевыми и др.). Весьма очевидное стремление к объединению всех умеренных сил и противопоставление их радикальной мусульманской фракции проявилось и на примере создания правой партии “Сыратуль-Мустахим” (“Прямой путь”).

В главе было также рассмотрено отношение к Думе и членам мусульманской фракции представителей различных слоев населения, в том числе и таких маргинальных групп, как членов мусульманской “секты” – ваисовцев. Отношение маргиналов к Думе в целом и ее мусульманской фракции в частности, хоть и не имело определяющего значения для развития в стране идей парламентаризма и гражданского общества, весьма показательны. История взаимоотношений ваисовцев с представителями легальной мусульманской элиты свидетельствует, в том числе и о несовершенстве и ограниченности многих видов источников, которые являются для историков базовыми при освещении многих проблем, в том числе и истории Государственной думы и ее мусульманской фракции.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования.

- Государственная дума в российской политической системе начала XX века не была привилегированным и полновластным институтом. Тем не менее, несмотря на все ограничения и оговорки Государственная дума может быть названа парламентом. Такова была специфика модернизации политической системы России, которая, начиная с 1906 года, была уже немыслима без представительного органа власти в лице Думы. Не менее важно было и то, что сами депутаты воспринимали Думу в качестве парламента, а себя в качестве парламентариев и, исходя из этой установки, выстраивали свою политическую

деятельность. В этом плане мусульманские депутаты не были исключением из общего правила. Характер и специфика российского парламентаризма не только сказались на облике реформируемой политической структуры страны, но и оказали влияние на деятельность в Думе отдельных фракций и депутатских групп. Чем меньше было шансов у думских проектов обрести силу закона, чем менее “властной” становилась Дума как одна из ветвей власти, тем большее значение придавалось ее представительской функции. Депутаты, особенно оппозиционные, чаще и охотнее апеллировали к своим представительским обязанностям и пытались выступать в качестве “гласа народа”. Малочисленность мусульманского депутатского корпуса, незначительность их влияния на думское большинство (следовательно и на общедумскую стратегию) и традиционные бюрократические структуры, отсутствие долгосрочных и главное результативных политических союзов, постепенная потеря надежд и иллюзий на возможность осуществления “мусульманских законов” и проектов – все эти факторы способствовали тому, что мусульманские депутаты воспринимали себя, прежде всего, и в первую очередь как единственные *представители* мусульманского населения в общеимперском органе, репрезентировали себя в качестве защитников интересов мусульманской уммы. Именно этими обстоятельствами определялась позиция депутатов-мусульман, их деятельность (как думская, так и внедумская), приоритетность в ней тех или иных проблем и вопросов, а также взаимодействие депутатов с обществом.

- Проведенный анализ репрезентативности мусульманского населения империи в целом и его думских представителей, в частности, в средствах массовой информации позволяет оценить характер и уровень знакомства российского общества с мусульманской уммой страны. То, как мусульманская проблематика освещалась в столичных и провинциальных масс-медиа, с какой регулярностью и в какой тональности русская пресса разных направлений писала о мусульманах империи, особенно в сравнении с аналогичным “еврейским” или иным “инородческим вопросом”, является своего рода индикатором уровня интегрированности мусульман в информационное пространство империи. История осуществленных и нереализованных проектов мусульманских думских изданий свидетельствует об интеллектуальных, организационных и финансово-материальных возможностях мусульманского сообщества. История контактов членов мусульманской фракции с национальной прессой, полная взаимных ожиданий и разочарований, надежд и обид, отражает те непростые взаимоотношения, которые складывались у мусульманского депутатского корпуса с мусульманской уммой.

- Осуществленный в исследовании анализ законодательства в отношении различных этнических и социальных групп российского мусульманства, сложившегося к рубежу XIX-XX веков, позволил выявить специфику правового положения мусульманской уммы. Правовые ограничения, касавшиеся мусульман, основывались на конфессиональном принципе. Однако за счет оговорок и примечаний, острие их было направлено против мусульман европейской части России, особенно татар. В отношении окраинного мусульманского населения ограничения имели не столько правовой, сколько подзаконный характер и реализовывались за счет фактического неравенства возможностей русских и “инородцев”. Многочисленные правовые ограничения и ущемления на религиозной основе вызвали протестные настроения мусульманского населения, недовольство существующим положением и страстное желание почувствовать себя равноправными гражданами страны. Именно в этом коренились правовые предпосылки образования в Российском парламенте отдельной мусульманской фракции, которая мыслила себя призванной устранить все существующие “несправедливости” в отношении мусульман. В стремлении снять существующие правовые ограничения, мусульманские депутаты использовали различные аргументы в зависимости от того, к кому они апеллировали. Обращаясь к представителям властной бюрократии, мусульманские представители (Г. Еникеев и др.) настаивали на неизменной лояльности и верности мусульманского населения престолу и в обмен на эту лояльность они просили о милости – об отмене

существующих ограничительных и стеснительных норм закона. Когда же мусульманские ораторы выступали с думской трибуны перед членами иных думских фракций, менялся и тон их высказываний, и акценты в выбираемых аргументах. В этом случае они настаивали на законности своих требований, на необходимости введения в стране гражданского равноправия. В целом можно сказать, что правовое положение не удовлетворяло мусульманскую общественность и являлось сильнейшим негативным фактором в самоощущениях мусульманского населения империи. Поэтому стремление к национальному и религиозному равенству, к осуществлению начал гражданского равноправия явились одним из приоритетных направлений деятельности мусульманских депутатов.

- В работе были рассмотрены объективные и субъективные факторы формирования мусульманского депутатского корпуса. Среди объективных факторов можно назвать избирательные законы 1905-1907 гг., ограничивавшие количественное представительство нерусских народностей, предоставлявшие преимущественные права тем или иным социальным группам и национальностям. К числу объективных факторов можно отнести и социальную структуру мусульманского населения, в частности, преобладание среди мусульман сельского и малый процент городского населения. Значительное число среди избранных мусульманами депутатов дворян, особенно представителей родовой аристократии, характерное для кавказских и казахских депутатов, также отражало специфику социальной структуры населения этих окраин. На состав и характер мусульманского депутатского корпуса оказали влияние такие обстоятельства, как отсутствие партийных структур и политического опыта, неумение вести избирательные кампании, наличие множества соперничавших друг с другом группировок, личные амбиции и ошибки отдельных политических деятелей.

- На основе произведенного исследования можно сделать вывод о том, что участвовавшие в политической модернизации страны, российские мусульмане сами переживали процесс внутренней модернизации, находились на стадии становления нового общества, общества современного типа. Изменения в социальной структуре общества, социально-экономической и политической сферах затрагивали непосредственно духовную сферу, свидетельством чего являются оживленные дискуссии о принципах и формах самоидентификации (религиозного, этнического, языкового), периодически выливавшиеся в публичные общественные дебаты. В мусульманской (преимущественно татарской и азербайджанской) прессе того времени дискуссии по вопросу о языке, самоназвании, о терминах “нациях” и “национализм”, общетюркском и собственном литературном языке стали важнейшей составляющей процесса самоидентификации. Отголоски этих дискуссий сказывались на позициях, риторике и выступлениях мусульманских депутатов, избранных от различных регионов, представлявших в Думе различные этнические образования, разные сословные и профессиональные группы мусульманского населения. Но все же в целом политический опыт мусульманских депутатов базировался, преимущественно на религиозной, этнической и региональной идентичности. Доминирующей была именно религиозная идентичность, которая и привела к созданию отдельной мусульманской фракции, объединившей большую часть мусульманских депутатов всех четырех дореволюционных Дум.

- Среди многочисленных проблем, обсуждавшихся в стенах российского парламента, для мусульман наиболее важными, пожалуй, были религиозные проблемы, вопросы народного образования, переселенческая политика, экономическое и правовое положение национальных окраин, наконец, вопрос о праздничных днях. Именно при рассмотрении этих вопросов в комиссиях и, особенно, во время общедумских дискуссий наблюдалась наибольшая активность членов мусульманской фракции. По принципиальным вопросам депутаты мусульмане занимали обычно консолидированную позицию. В то же время, внутри мусульманской парламентской группы были внутренние расхождения и противоречия, обусловленные наличием особых региональных, национальных или

сословных интересов. Поэтому усилия депутатов по созданию единого мусульманского политического сообщества не всегда учитывали наличие этих межэтнических и межрегиональных противоречий, сословных или же классовых проблем. Именно последние стали основой для раскола мусульманского депутатского корпуса, происшедшего в Думе 2-го созыва, и образования двух групп – мусульманской фракции и мусульманской трудовой группы. Главный водораздел между этими двумя мусульманскими группами проходил не столько в сфере религиозных и культурных вопросов, сколько в социальной области, базировался на радикализме части мусульманских депутатов в аграрном вопросе. Радикализм же части мусульманских депутатов этом вопросе отражал ее остроту для широких слоев населения.

- Вследствие дискриминационного характера избирательного закона 1907 года представительство в Думе от отдельных мусульманских регионов, если соотносить его с данными переписи 1897 г. было несоразмерным: Волго-Уральский регион в четырех Думах был представлен 40, Туркестан и Степной край - 16, Кавказ и Крым - 23 депутатами. Эти диспропорции вызывали очевидное несогласие и протест российской общественности. Требование восстановить представительство в Думе среднеазиатских мусульман являлось одним из наиболее часто встречающихся пунктов общей мусульманской политической платформы. В условиях, когда мусульмане отдельных регионов были лишены возможности посылать в Думу своих избранников, миссию по защите их интересов, по озвучиванию их пожеланий и требований брали на себя мусульмане иных регионов и областей империи, прежде всего, Волго-Уральского региона и Кавказа. Этим можно объяснить стремление мусульманских депутатов действовать в общеимперском парламенте консолидированно. В ряде вопросов (вопросы религиозной свободы, национального образования, введения национальных языков в судопроизводство и местные органы самоуправления) члены мусульманской фракции действовали в союзе с представителями других национальных групп, прежде всего с членами Польского кола.

- Наиболее важным для мусульманских депутатов был комплекс вопросов, связанных с конфессиональной сферой и народным образованием. В вопросе о реформе органов духовного (религиозного) управления в пореформенную эпоху можно выделить три крупных периода, когда этот вопрос обсуждался наиболее активно и, казалось бы, был близок к разрешению: первый этап хронологически датируется периодом с середины 50-х до середины 70-х годов, второй – 90-ми годами XIX столетия. Третий этап начинается с 1904-1905 годов. Завершается он лишь после Февральской революции 1917 года, создавшей условия для осуществления намеченных в дореволюционный период преобразований. На третьем этапе наблюдается новые тенденции: проблема получила общественный резонанс и стала гласной. Наконец, в ее разработку включились новые законодательные учреждения – Государственная дума в целом, и мусульманская фракция в частности. Правительственные органы, ответственные за осуществление реформ, настаивали на децентрализации религиозных центров, на раздроблении существующих духовных учреждений на более мелкие и, соответственно, менее влиятельные и жизнестойкие. В этом вопросе планы столичной бюрократии и мусульманские проекты находились в непримиримой конфронтации, что делало практически невозможным соглашение по этому вопросу в условиях существующей политической системы. К проблеме реформы религиозных институтов примыкали и вопросы, связанные с расширением в государстве границ веротерпимости и постепенный переход к провозглашенной “свободе совести”. Позиция мусульманских депутатов определялась не только их принадлежностью к блоку оппозиционных фракций, которые неизменно выступали за отмену каких-либо ограничений и ущемлений на религиозной основе, но и тем, что для татарского населения вопрос о переходе из одного исповедания в другое имел практическое значение. Он был необычайно актуален именно в думский период в связи с наличием большой группы крещенных татар, желавших вернуться к вере предков.

С религиозными вопросами был связан и вопрос о народном образовании. В отношении правительственной политики в области инородческого образования позиции мусульманских депутатов были близки к требованиям нерусских депутатов в целом. Подобно другим депутатам, представлявшим нерусское население окраин империи, мусульмане выступали категорически против превращения государственной начальной школы в орудие обрусения инородцев, настаивали на изгнании из школы политики и приближении школьной системы к нуждам и интересам инородческого населения. Последнее могло быть достигнуто только при условии допущения в государственную школу народных языков, национальных преподавательских кадров и учета при составлении программы обучения национальных, культурных, языковых особенностей обучаемых детей. Изучение материалов мусульманской периодической печати показывает, что в дореволюционный период для мусульман весьма актуальной был вопрос о будущем конфессиональных школ. В силу того, что проекты реформы духовных учреждений, в ведении которых *de jure* и *de facto* находились конфессиональные школы, так и не были внесены в Думу, вопрос о мусульманской конфессиональной школе не получил в парламенте ожидаемого резонанса. Не занимал он должного места в деятельности членов мусульманской фракции, в той степени, насколько он был важен для мусульманской общественности в целом.

- Несмотря на незначительные итоги законотворческой деятельности, как депутатов-мусульман, так и Думы в целом, участие мусульманских представителей в работе Российского парламента имело большое значение для формирования политического движения мусульманских народов в целом и татар, в частности. Государственная дума была в имперской России единственной всероссийской трибуной политического характера, с которой представители мусульманской уммы могли публично и легально защищать свои корпоративные интересы, учились выражать свои требования и находить нужных политических союзников, привыкали к неизбежному компромиссу и балансу интересов. Таковы некоторые выводы и наблюдения, сделанные в ходе изучения истории мусульманского представительства в российском дореволюционном парламенте.

Список опубликованных работ по теме диссертации

Монографии:

Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной Думе России (1906-1917). - Казань: Издательство “Мастер Лайн”, 1999. - 164 с. (10,25 п.л.)

Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906 –1917. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2002. – 140 с. (9,3 п.л.)

Раздел в коллективной монографии:

Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2002. – 452 с. (в соавторстве, с. 211-232, 1,3 п.л.)

Научные статьи и тезисы международных конференций:

Из рода Алкиных // Татарстан - 1993 - № 12 - с. 35-42. (0,4 п.л.)

Прерванный путь // Татарстан - 1995 - № 1/2 - с. 29-35. (0,4 п.л.)

Шайхулла Алкин // Татарстан - 1995 - № 9/10 - с. 112-116. (0,3 п.л.)

История Национального Собрания (в источниках) // Гасырлар авазы - Эхо веков - 1996 - № 1 - с. 61-72. (0,5 п.л.)

Die Tatarische Presse 1905-1918: Quellen, Entwicklungsetappen und Quantitative Analyse. In: Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Islamkundliche Untersuchungen. Band 200. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 1996. S. 239-278 (1,5 п.л.)

Неродное дитя империи // Татарстан - 1997 - № 1 - с. 73-80. (0,4 п.л.)

Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы - Эхо веков - 1997 - № 1/2 - с. 164-170. (0,4 п.л.)

L'Assemblée Spirituelle musulmane au debut du XX-e siecle. Les projets de reforme face au pouvoir politique russe. In: L'Islam de Russie. Conscience communautaire et autonomie politique chez les Tatars de la Volga et de l'Oural, depuis le XVIII-e siecle. Actes du colloque international de Qazan, 29 avril - 1-er mai 1996. Organise par Institut francais d'Etudes sur l'Asie centrale, Centre de proets et d'etudes en sciences humaines, Academie des Sciences du Tatarstan: edite sous la direction de Stefane A. Dudoignon, Damir Is'haqov et Rafiq Mohammatshin. - Paris: Maisonneuve et Larose, 1997, p. 175-191. (1,6 п.л.)

Разлученный с Родиной. (Жизнь и судьба Гумера Терегулова) // Татарстан - 1997 - № 11 - с. 42-47. (0,3 п.л.)

“Отдавая душу народу...” Г. Терегулов. // Гасырлар авазы - Эхо веков, № 3/4, 1997, с. 186-193. (0,4 п.л.)

Tatar Periodical Press and the Spread of the Ideas of Jaddidizm in the Moslem Regions of Russia and East Turkestan (early 20-th century). In: Oriental Studies in the 20-th Century: Achievments and Prospects. Abstract of the papers of CIS scholars for the 35-th ICANAS (Budapest, Jul. 7-12, 1997). Vol. 2, Moscow, 1997, pp. 375-377. (0,2 п.л.)

The activity of the Muslim faction of the State Duma and its significance in the formation of a political culture among the muslim peopls of Russia (1906-1917). In: Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol.2: Inter-Regional and Inter-Etnic Relations. Edited by Anke von Kuegelgen, Michael Kemper, Allen J. Frank. Islamkundliche Untersuchungen. Band 216. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 1998. S. 417-455 (2,0 п.л.)

Проблема “свободы совести” в деятельности Государственной Думы (1906-1914). // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Тезисы и доклады международной, научно-практической конференции 2-3 октября 1997 г. - Казань: Издательство “Заман”, 1998. - с. 187-190. (0,8 п.л.)

Депутаты Государственной Думы от юго-восточного региона Татарстана. // Из истории Альметьевского региона. Казань: Издательство “Татполиграф”, 1999, с. 180-186. (0,3 п.л.)

Методика создания базы данных по проблеме “Депутаты-мусульмане в Государственной Думе (1906-1917 гг.)”. // Электронные библиотеки и базы данных по

истории Евразии в средние века. - М.: Институт востоковедения РАН. 1999. - Вып. 7. - с. 252-255. (0,3 п.л.)

“Союз автономистов” в I Государственной Думе. // История государственности Республики Татарстан и современность. Материалы Республиканской научной конференции 8-9 декабря 1998 г. - Казань: Издательство “Мастер Лайн”, 2000. - с. 56-59. (0,2 п.л.)

Rusya-Tuerkiye iliskeleri cercevesinde rus Devlet Dumasi'nda XX. yuezyil baslarinda mueslueman gruplarin faaliyetleri. In: Osmanli. Ankara, 2000, cilt 2, s. 230-234. (0,2 п.л.)

Эволюция правового положения мусульман России в начале XX века (по законодательным актам и деятельности Государственной Думы). In: VI World Congress for Central and East European Studies (ICCEES). Abstracts. 29 July - 3 August 2000, Tampere, Finland. Helsinki, 2000, с. 315. (0,1 п.л.)

The legal and ethno-religious world of empire: Russian muslims in the mirror of legislation (early twentieth century). // Ab imperio, № 2, 2000, с. 147-167 (1,2 п.л.)

Мусульманские депутаты Государственной Думы России о российско-турецких взаимоотношениях начала XX в. // Историческая наука в Казанском университете: материалы научной конференции. Казань, 3-4 декабря 1999 г. Тезисы докладов. - Казань: изд-во “Хатер”, 2000 г., с. 100-103. (0,2 п.л.)

К истории одного псевдонима: версия об авторстве статьи “Мусульманский вопрос в России”. // Гасырлар авазы - Эхо веков, 2000, № 3/4, с. 132-133. (0,1 п.л.)

История несостоявшегося альянса: к вопросу о взаимоотношениях мусульман с российскими либералами в конституционный период. // Ab imperio, № 3/4, 2000, с. 127-158. (1,5 п.л.)

Новые фотографии членов Мусульманской фракции Государственной думы. // Гасырлар авазы - эхо веков, 2001, № 1/2, с. 48-53. (0,4 п.л.)

К вопросу о тиражах мусульманских периодических изданий России начала 20 века. // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. К 150-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. – М., 2001. - С.211-214. (0,2 п.л.)

Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм. // Гасырлар авазы - эхо веков, 2001, № 3/4. (в соавторстве) (1,0 п.л.)

Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2002, № 3/4, с. 127 – 138. (0,7 п.л.)

Фотографии членов Мусульманской фракции Государственной думы. // Гасырлар авазы - Эхо веков, 2002, № 1/2, с. 288-289. (0,1 п.л.)

Алкин Джангир // Татарская энциклопедия: В 5-т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ. 2002. – Т. 1: А-В. – С. 111. (0,1 п.л.)

Алкин Ильяс // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. 2002. – Т. 1: А-В. – С. 111-112. (0,1 п.л.)

Алкин Саид-Гирей // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. 2002. – Т. 1: А-В. – С. 112. (0,1 п.л.)

Алкин Шайхулла // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань, 2002. – Т. 1: А-В. – С. 111. (0,1 п.л.)

Ахтямов Абуссугуд // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. 2002. – Т. 1: А-В. – С. 249. (в соавторстве) (0,1 п.л.)

Ахтямов Ибниямин // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. 2002. – Т. 1: А-В. – С. 249-250. (в соавторстве) (0,1 п.л.)

Байтеряков Габдуллатиф // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. – Т. 1: А-В. – С. 281. (0,1 п.л.)

Баттал Габдулбари // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. 2002. – Т. 1: А-В. – С. 312. (0,1 п.л.)

Биглов Акрам // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. – Т. 1: А-В. – С. 379. (0,1 п.л.)

Выборгское воззвание // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань. – Т. 1: А-В. – С. 650. (0,1 п.л.)

Ismail bey Gasprali ve XX. asrin başında tatar süreli yayinlari. In: Ismail bey Gasprali ve Ziya Gökalp Sempozyumlary – Bildiriler. Yayına hazırlayan: H. Dündar Akarca. - Ankara, 2003. - S. 110 – 114. (0,2 п.л.)

Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab imperio*. 2003. № 3. С. 335-359 (1,5 п.л.). (1,5 п.л.)

Депутаты Государственной думы от Казанской губернии: социальный и политический портрет (в свете избирательных кампаний 1906 – 1912 гг.) // Социальная структура и социальные отношения в республике Татарстан в первой половине XX века: Сборник научных статей и сообщений / Составитель Н.А. Федорова. – Казань: Татарское республиканское изд-во “Хэтер” (Тарих). 2003. - С. 34 – 44. (0,7 п.л.)

Die muslimische religiöse Presse im Wolga-Ural-Gebiet im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts. In: Die ural-altaischen Völker. Identität im Wandel zwischen Tradition und Moderne. Vorträge des Symposiums der Societas Uralo-Altaica vom 13. bis 15. Oktober 2002. Hrsg. Gerson Klumpp und Michael Knüppel. - Wiesbaden, 2003. – S. 99 – 105. (0,4 п.л.)

Российские мусульмане в правовом пространстве империи: соотношение общеимперского и мусульманского права в государственной доктрине на рубеже XIX-XX вв. / Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара “Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединений в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье)”. Вып. I / Сост. и редакторы: И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. – М.: РУДН, 2004. – С. 34 – 47. (0,8 п.л.)

Мусульманская пресса Волго-Уральского региона в первой трети XX столетия. / Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: Материалы Всероссийской конференции “Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования”, Казань, май 2003 г. Составитель и редактор Р.М. Мухаметшин. – Казань, 2004. – С. 138 – 148. (0,7 п.л.)